

АННА ОРЛОВА

АРОМАГИЯ

КНИГА 2

Белый пепел надежд и любви

Защитная магия. Анна Орлова

Анна Орлова
Аромагия. Книга 2

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орлова А.

Аромагия. Книга 2 / А. Орлова — «Эксмо», 2024 — (Защитная магия. Анна Орлова)

ISBN 978-5-04-197981-2

В Хельхейме, краю вечных снегов, назревает буря. Равновесие между хель, драконами и людьми уже непрочное, как весенний лед. Казалось бы, чем тут может помочь хрупкая женщина, пусть даже аромаг? Никакие настойки не утолят людской жадности, никакие масла не умягчат злых сердец. Но иногда одна крошечная песчинка может застопорить жернова. Остановить эпидемию хель? Раскрыть заговор? Найти убийцу? Не в одиночку, конечно — всегда рядом юный ординарец Петтер и ледяной дракон Исмир, — но все же!.. Страшно, милосердные боги, как же Мирре страшно! Только вот делать нечего. Второй шанс на счастье придется вырвать у судьбы с боем.

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197981-2

© Орлова А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1. Чем сердце успокоится?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Орлова

Аромагия. Книга 2

© Орлова А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1. Чем сердце успокоится?

– Нет, – прошептала я непослушными губами. Мы едва вырвались из той бури, и во второй раз нам не спастись! Петтер тут же задвинул меня себе за спину – смело, хоть и глупо. Дракон сверху, а не впереди, к тому же он настолько велик, что даже не заметит столь мелкое препятствие.

Помахивая крыльями, он завис перед нами, и я готова была поклясться, что обнажившая впечатляющие зубы гримаса была улыбкой. С каждым взмахом он опускался все ниже и ниже, пока не кувыркнулся в воздухе... в перекате приземляясь уже человеком.

– Вы меня боитесь, Мирра? – поинтересовался Исмир с усмешкой, и к щекам моим прилила кровь.

– А у нас нет для этого причин? – холодно уточнил Петтер.

Глаза Исмира полыхнули льдом.

– Причины имеются, – признал он неохотно. – Приношу свои извинения. Я получил неприятные известия из дома, поэтому вспылil.

На языке вертелся вопрос, какое мы с Петтером имели отношение к его новостям. Разумеется, задавать его я не стала. А едва Петтер открыл рот (надо думать, чтобы спросить о том же), как я коснулась рукава его шинели.

– Мы принимаем ваши извинения, – согласилась я негромко. – Однако сейчас есть более важные дела.

Исмир помрачнел.

– Вы об этом? – он мотнул головой в сторону тела. Я молча кивнула. Следующий вопрос Исмира заставил меня... кристаллизироваться и выпасть в осадок, как говаривал мой дедушка. – Это вы его убили?

Я сама не поняла, как оказалась прямо перед ним.

– Как вы смеете?! – прошипела я, занося руку для пощечины. Разумеется, он легко перехватил мое запястье.

– А что еще я должен подумать? – В тихом голосе льдинками звенело напряжение. – Вы непонятно как оказались здесь, при этом ваш клеветчик что-то забрал от тела и передал вам...

– Я потеряла здесь сережку, – призналась я. И, видя его вопросительно выгнутую бровь, поторопилась уточнить: – Наверное, во время дуэли! Мы ведь уехали, еще когда здесь была уйма народа! А вернулись... – На мгновение я замялась, потом подняла подбородок. – Впрочем, вы сами знаете, когда мы сюда вернулись! Я не специалист, но насколько могу судить, тело уже остыло, а даже при такой погоде на это потребовалось какое-то время... К тому же какой резон мне его убивать?!

Бледно-голубые глаза Исмира смотрели на меня пристально, будто стараясь не упустить тень вины.

– Возможно, с ним у вас *тоже* был роман?

Вопрос дракона хлестнул меня наотмашь.

– Да как вы?! – выдохнула я, пытаясь вырвать кисть из тисков его рук. Бессильные злые слезы наворачивались на глаза. За что он так со мной?! Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, и проговорила, чеканя слова: – Ни я, ни Петтер господина Фритрика не убивали, в этом я могу вам поклясться! Более того, у меня *ни с кем* нет романа!

– Вот как? – иронично поинтересовался Исмир, заставляя меня вспомнить...

– Именно так! – подтвердила я сухо. – А теперь будьте добры, отпустите меня.

Исмир опустил взгляд, словно лишь сейчас обнаружив, что по-прежнему сжимает мое запястье... и медленно поднес его к губам. Деликатный аромат сандала обнял меня пуховой

шалью, отгоняя невыносимый смрад смерти, и я глубоко вздохнула, вновь наслаждаясь возможностью дышать полной грудью.

– Оставьте госпожу Мирру в покое! – вырвал меня из оцепенения звенящий яростью мальчишеский голос.

Я вздрогнула, обнаружив, что Петтер замер прямо у меня за спиной.

– А иначе что?

Взгляд дракона вдруг показался мне темным и холодным, как вода в полынье.

– Прекратите! – попросила я громко. – Господин Исмир, будьте так любезны, слетайте в Ингойю и привезите инспектора Сольбранда. Без полиции здесь не обойтись.

Я опасалась, что Исмир пожелает сам заняться расследованием, но нет.

– Как изволит прекрасная госпожа, – слегка поклонившись, иронично ответил он. И, отойдя в сторону, изобразил пальцем в воздухе какой-то символ. Лыдисто-голубая вспышка... и вот уже дракон набирает высоту. От крыльев его веяло холодом, и я поежилась, мечтая поскорее оказаться в «Уртехюсе». А ведь можно было поступить иначе – оставить Исмира сторожить тело, а самим поехать в город! Я отругала себя за несообразительность, однако поздно: дракон уже превратился в белую точку на горизонте.

– Пойдемте в машину, госпожа Мирра. – Голос Петтера звучал как-то странно и напряженно, но у меня уже не осталось сил об этом задумываться.

– Пойдемте, – согласилась я и сосредоточилась на том, чтобы переставлять ноги. Это оказалось неожиданно трудно, словно к моим сапожкам привязали невидимые гири. Петтер придерживал меня за локоть, не давая упасть, а потом помог усесться. – Благодарю!

Он только кивнул.

Время до появления полиции прошло в тягостном молчании. Пару раз я пыталась заговорить, но мальчишка отвечал односложно и явно неохотно, так что в итоге я оставила его в покое и закрыла глаза.

– Просыпайтесь, Мирра! – вывел меня из сонного оцепенения голос Исмира.

Я с трудом разомкнула веки и попыталась сфокусировать взгляд. Перед глазами все плыло, будто в тумане. За этот день столько всего произошло, что у меня решительно не осталось сил.

– Я не сплю, – отозвалась я, и собственный голос показался мне слабым и хриплым.

– Не проговоритесь о серье, – шепнул Исмир, склонившись ко мне. – Вы поняли?

– Да, – согласилась я, – но...

– Для пояснений мало времени, – оборвал меня он. Пахло от него смолисто-терпким эвкалиптом. – Я ничего не скажу, ваш пес – тоже. И вы молчите. Понятно?

– Разумеется, – согласилась я, от удивления окончательно проснувшись. От Петтера вполне можно было ожидать попытки меня защитить, но Исмир... Пожалуй, это следовало обдумать.

Он стремительно направился к стоящему поодаль инспектору Сольбранду, который внимательно его выслушал, кивнул и, в свою очередь, подошел ко мне.

– Голубушка, вы как? – спросил он участливо. – Можете ответить на несколько вопросов?

– Конечно! – Я украдкой потерла глаза и огляделась. Петтер обнаружился у скалы в компании леденцов, там же уже виднелась светло-пепельная макушка Исмира. Соленый морской ветер и въевшийся в обивку салона аромат крепкого кофе приглушали неприятный запах.

Инспектор помог мне выйти из машины. Я поежилась на холодном ветру и предложила:

– Что же, спрашивайте!

– Расскажите-ка мне, голубушка, все без утайки! – Он хитро улыбнулся, отчего у глаз собрались смешливые морщинки, а меня накрыло ощущение ирреальности происходящего. Там, у скалы, лежит обезображенное тело, а мы все продолжаем жить, дышать, улыбаться. Как-

то это... неправильно? Только глупо говорить об этом инспектору – для него это всего лишь работа.

Я вздохнула и начала рассказывать...

– Вот так-так, – задумчиво проговорил он, когда я умолкла. Пристальный взгляд его не по возрасту ярких глаз не отпускал меня ни на секунду. Инспектор по-птичьи склонил голову к плечу, ущипнул себя за мочку уха и сообщил с усмешкой: – Вот ведь, голубушка, как вам не везет! Где какая напасть случается, так сразу и вы там!

– Совпадение, – пожала плечами я, стараясь держаться спокойно.

– Да-да! – подтвердил инспектор и укоризненно покачал головой. – Вы уж поберегите себя, голубушка!

И посмотрел так лукаво, что оставалось лишь согласиться:

– Конечно, инспектор. Я постараюсь.

– Постарайтесь, постарайтесь! – Он веско поднял палец и скомандовал ворчливо: – Хватит вам тут бродить, голубушка! Поезжайте-ка домой, быстренько! Поужинайте, выпейте чего-нибудь и отдыхайте!

– С удовольствием, – заверила я, уже предвкушая тепло камина и горячую пищу. – Только мне нужен Петтер.

– Да забирайте своего Петтера! – отмахнулся инспектор. – Вы усаживайтесь, сейчас я его пришлю.

И, не слушая слов благодарности, он отправился к леденцам. Признаюсь, приближаться к телу мэра не хотелось нисколько, даже из любопытства. Меня и так наверняка будут терзать ночные кошмары!

Надо думать, мальчишка тоже не горел желанием играть в сыщика. По крайней мере, появился он очень быстро. Только был хмур и на меня даже не глянул.

– Куда? – поинтересовался он коротко, не отрывая взгляда от кожаной оплетки руля.

– Домой! – сообщила я, вложив в это слово столько чувства, что он усмехнулся. – И, Петтер, позвольте вас поблагодарить. За помощь, заботу и понимание.

– Не за что, – ответил он сухо, заводя двигатель.

– Есть за что! – запротестовала я и призналась честно: – Без вас я бы не выдержала. К тому же... вы ничего не сказали полиции о сережке. Спасибо, Петтер!

Он мотнул головой. Пахло от него странно – нашатырем с пряно-сладким анисом – трезвой решимостью.

– Пожалуйста. – Петтер смотрел на дорогу перед собой.

Мне оставалось лишь пожать плечами и сделать вид, будто меня чрезвычайно интересует пейзаж за окном...

Дверь открыла Уннер, что вполне меня устраивало.

– Госпожа, вы опаздываете к ужину, – бесцветно сообщила она.

Войдя в дом, я замерла, наслаждаясь теплом и уютными ароматами шоколада, коньяка и апельсина.

– Ингольв уже дома? – поинтересовалась я, с помощью Петтера освобождаясь от верхней одежды. Горничная промолчала, глядя в пол. – Уннер! – повысила голос я.

– Да, госпожа? – заторможенно откликнулась она.

– Ингольв дома? – повторила я, снимая шляпу.

– Нет, госпожа. – Она сделала неловкий книксен. – Господин сообщил, что к ужину не придет. И приказал Петтеру сразу явиться к нему.

– Вот как? – Не знаю, обрадовало меня это сообщение или огорчило. С одной стороны, не хотелось выслушивать нотации от мужа (а без них наверняка бы не обошлось!), а с другой – столь откровенное пренебрежение меня нервировало. Зато общество свекра, не сдерживае-

мого присутствием Ингольва, весьма бодрит! Я усмехнулась и отправилась приводить себя в порядок...

Откровенно говоря, у меня отчаянно слипались глаза. О каком аппетите могла идти речь, когда хотелось, не раздеваясь, упасть на постель и забыться сном до утра? Поймав себя на этой мысли, я решительно отправилась в ванную. Поплескала на лицо ледяной водой и, надев на шею аромамедальон (полый камушек на цепочке), накапала в него масла розмарина.

Горьковато-пряный аромат сразу меня освежил, даря восхитительную ясность мыслям. Осталось приколоть к платью свежий кружевной воротничок, протереть лицо льдом из отвара ромашки и липы, и можно спускаться вниз.

В столовой обнаружился свекор, который увлеченно разгадывал кроссворд и не изволил заметить меня.

– Приятного аппетита, господин Бранд! – пожелала я, аккуратно присаживаясь на краешек стула (пришлось отодвигать его самой!).

Свекор в ответ буркнул что-то неразборчивое. Я без труда угадала в этом теплом напутствии: «Чтоб ты подавилась, дорогая невестушка!» – и искренне умилилась. Есть в этом бушующем мире хоть что-то неизменное!

Вторым столпом стабильности была Сольвейг с вечно кислым лицом и не менее кислым запахом. Откровенно говоря, не понимаю, отчего она всегда и всем недовольна? Неужели в нашем доме ей так плохо живется? Впрочем, при желании можно найти уйму досадных мелочей, из которых несложно сотворить целого слона.

Я же сознательно предпочитала замечать вещи приятные и необременительные: вкус тушеного мяса с имбирем и булочек со свежим маслом, кружево теней за окном и морозные узоры на стеклах. Да, в этой жизни немало неприятных вещей, однако ведь и приятных не меньше!

Взять хотя бы аромат, которым сейчас тянуло от свекра: нежнейшее благоухание можжевельника и степных трав. Так пахнет свобода, когда хочется обнять весь мир и взлететь высоко-высоко, туда, где ветер играет облаками...

Вот только в столовой было прохладно (надо думать, опять экономят дрова!) и из углов тянуло сыростью. Глупо. Можно подумать, регулярно менять плесневелые обои дешевле, чем хорошо топить!

Мои хозяйственные размышления прервало появление Сольвейг.

– Господин Бранд, вас спрашивает некий господин Бюдер, вот его карточка.

Свекор взял протянутый кусочек картона опасливо, словно ядовитую змею. Я невольно передернулась (не стоило вспоминать о рептилиях!) и принялась с интересом. Вот теперь от господина Бранда пахло совсем иначе: дешевым вином, яблочным пирогом и еще, пожалуй, дегтем. Где-то на самой грани восприятия тлел табак.

– Зови, – кратко велел он, бросив на меня взгляд исподлобья, и стиснул челюсти.

Хм, любопытно. Кто такой господин Бюдер и отчего мой свекор столь странно отнесся к его визиту?

Означенный господин оказался бодрым толстяком со здоровым румянцем и поредевшими седыми волосами, тщательно зачесанными на солидную лысину.

– Дружище Бранд! – вскричал он с порога, распахивая объятия. – Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуй, Бюдер, – ответил свекор, как мне показалось, со смесью радости и неохоты. – Каким ветром тебя занесло в Ингойю?

– Да долго рассказывать! – отмахнулся гость. – Ты-то как здесь? Вижу, молоденькую женушку нашел?

И подмигнув мне, осклабился похабно.

– Нет, – кратко ответил господин Бранд, и мне вдруг показалось, что ему неудобно. – Это моя невестка, Мирра. Мирра, познакомься с Бьюдером, моим давним... приятелем.

Почудилось ли мне сомнение? Нет, не почудилось – свекор буквально фонтанировал запахом перца.

– Невестка? – переспросил гость с таким веселым недоумением, что мне стало не по себе. – Надо же, значит, твой дохляк таки вырос и женился?!

– Дохляк? – не выдержала я.

– Ну да! – А веяло от него... пожалуй, злобной радостью и ехидством – уксусом, настоящим на базилике, тархуне и чесноке. – Брандов сын – как там его зовут? – такой слабак был...

– Бьюдер! – В голосе господина Бранда клокотало возмущение.

– Так я что? – почти искренне удивился тот. – Я же правду говорю! Ты сам думал, что он не выживет! Помню, ты каждый вечер за игорным столом только и говорил, что о своем сыночке!

– За игорным столом, – снова повторила я задумчиво.

Вот, значит, отчего господин Бранд не имел собственного состояния, несмотря на благородное происхождение (о котором он любил всем напоминать). Теперь понятны также и его надежды на выгодную женитьбу сына...

Лицо свекра налилось нездоровой краснотой, как будто его вот-вот хватит апоплексический удар, и еще его паническое состояние выдавал запах – как бубен со звенящими подвесками: тимьян и мускус.

– Ну да! – подтвердил господи Бьюдер, растягивая в улыбке блестящие, словно от масла, губы. – Бранд только за столом и успокаивался! Правда, проигрался-то он подчистую.

– Бьюдер! – рявкнул господин Бранд, уже не сдерживаясь.

– Что? – невинно округлив глаза, спросил гость. – А, ты не хочешь, чтоб я болтал лишнее? Ну извини, извини. Я от радости совсем разум растерял. Но ты можешь меня заткнуть – кстати, что там у вас на ужин?

И засмеялся визгливо, отчего я едва сдержалась, чтобы не передернуть плечами.

Любопытные старые приятели у моего свекра, весьма любопытные! Зато теперь некоторые вещи встали на свои места. Значит, меня попрекали слабосильными детьми, рассказывая байки о богатырском здоровье Ингольва в детстве?

Кажется, вечер будет познавательным...

Я проснулась затемно и сразу спустилась вниз, мечтая о чашке крепчайшего кофе – черного-черного, с перцем, чтобы отчаянно заколотилось сердце. Он смое с тела липкую паутину сна, а с души – усталость. Болела голова, как будто кто-то воткнул нож в одну точку над бровью. И, как часто бывает при мигрени, мне чудилось зловоние – навязчивое, лезущее в нос.

Дом тихо вздыхал и сопел во сне, под ногами скрипели ступени. А я вдруг подумала, что уже не столь молода для таких безрассудных приключений. Последние дни напоминали водоворот, в который меня затягивало все сильнее и сильнее. Непрерывная череда событий изматывала, выпивала все силы.

Кофе, как же я хочу кофе! Глоток заемной бодрости, терпкая горечь...

И только распахнув кухонный шкафчик, я вспомнила, что вчера Сольвейг отправила мой любимый напиток в мусор, а подарок Петтера остался в «Уртехюсе». Разочарование было таким острым, что у меня едва не навернулись слезы на глаза.

Затем в моем усталом мозгу появилась спасительная мысль. Ведь можно обойтись маслом кофе – благо запас его у меня имелся. Найти заветный пузырек было делом нескольких минут. Не мудрствуя лукаво я нанесла масло вместо духов – на точки пульса. Прикрыла глаза, стараясь отрешиться от всего мира и наслаждаясь резким, пронзительно-горьким ароматом. Хм, пожалуй, действительно стоит сделать духи с кофейно-перечной ноткой и абсолютом

какао. Ингольву они, разумеется, по вкусу не придутся. Разве что Петтеру... Впрочем, о мальчишке лучше вообще не думать, а уж тем более не прикидывать, какие духи ему понравятся!

У ароматов есть замечательное свойство – вытеснять все лишнее. Весь дом пропах рыбой, табаком или старыми портянками? Достаточно капнуть апельсинового или лимонного масла, чтобы все тяжелые и неприятные запахи смыло сверкающей росой цитрусового благоухания. Жаль, что с мрачными мыслями подобный трюк удастся не всегда.

Боль постепенно отступила – неохотно, маленькими шажочками, огрызаясь и скаля желтые зубы. Дождавшись, пока туман в голове развеется, я перебралась к туалетному столику. М-да, внешний вид мой в это утро вполне соответствовал настроению: рыжие локоны уныло обвисли вокруг лица, тусклая кожа так и просила эпитет «мертвенная», а у запавших глаз стилились чернильные тени. «Бледная немочь!» – как говаривала моя няня. Бабушка просторечные выражения не одобряла, но тоже качала головой и прописывала мне для укрепления сил настойку женьшеня.

Хм, а вот это мне совсем не помешает, желательно курсом. Впрочем, нет, возбуждающие средства не стоит использовать, если нервы не в порядке, а в последнее время назвать себя спокойной и уравновешенной я не могла. Лучше уж сделать упор на валериану и пустырник – хороший сон стирает усталость значительно эффективнее, чем стимуляторы.

Теперь немного масла мяты и базилика, чтобы окончательно изгнать докучливую боль и вернуть румянец бледным щекам, на губы капелька бальзама с маслом корицы (отчего к ним сразу прилила кровь, а нос защекотал пряный аромат), ярко-голубое платье... Пожалуй, я готова.

Завтрак прошел в гнетущей атмосфере. Ингольв угрюмо молчал, Петтер не отрывал взгляда от тарелки, зато мой драгоценный свекор разливался соловьем, рассуждая о бесстыдстве хелисток, понося работающих женщин, а также клеймя аромагию.

Ингольв мрачнел с каждым словом. Надо думать, целиком и полностью признавал правоту отца, хоть и пока не торопился поддакивать.

– Прошу меня извинить! – Не выдержав, я встала. – Я не голодна. Дорогой, я буду в «Уртехюсе».

– И что ты там будешь делать? – хмыкнул свекор, со значением прошуршав страницами газеты. Видимо, намекал на вчерашнюю статью. Подозреваю, что он вырезал ее и поместил в рамочку.

– Мирра, сядь! – будто ударил меня в спину злой голос Ингольва.

Боги, милосердные мои боги, ну сколько можно?! Я и так все время молчу и терплю, терплю и молчу, лишь изредка позволяя прорываться истинным чувствам. Кажется, муж совсем не выспался (любопытно, чем занимался всю ночь?) и теперь собирался сорвать на мне свое дурное настроение.

– Дорогой, но я уже сыта.

– Я сказал, сядь! – повысил голос он.

Будто собаке приказал!

Пришлось усесться на краешек стула, сложив руки на коленях и выпрямив спину.

Что нужно от меня Ингольву, неужели меня сегодня унизили недостаточно?!

Однако он обратился вовсе не ко мне.

– Отец, немедленно извинись перед Миррой! И я больше не хочу слышать о той статье. Ни слова!

Потрясенное молчание было отмщением за многие минуты унижения, которые мне довелось пережить в этом доме.

– Вот еще, с какой стати?! – наконец обретя голос, возмутился свекор, в самое сердце пораженный «предательством» сына.

Однако Ингольв и не подумал отступить. Напротив, он побагровел, сделавшись поразительно похожим на отца, и раздельно проговорил:

– В этом доме хозяин я. И если я сказал извиниться – значит, ты извинишься. Сказал выбросить газету – выбросишь. Ясно?

Резко побелевший господин Бранд пошел пятнами и судорожно кивнул.

Каюсь, теперь наступил мой черед прятать мстительную улыбку. Для меня давно не было тайной, что у свекра за душой ни гроша, именно поэтому он жил в доме сына и за его счет. А сын – мой муж – стал полковником лишь благодаря аромагии. Именно она была источником нашего благосостояния. А потому ругать ее было позволительно лишь самому Ингольву.

На мой взгляд, весьма странная логика, но, надо думать, ему она таковой не казалась...

Господин Бранд, казалось, боролся с приступом удушья. Наконец он, откашлявшись, выдал:

– Извини, Мирра. – Каждый звук из него будто вытягивали силой.

– Принимаю ваши извинения! – с принужденной гримасой, долженствовавшей изображать улыбку, отозвалась я и снова встала.

– Мирра! – вновь окликнул меня муж.

Пахло от него странно: лавандой и немного цветами хлопка – замешательством.

– Да, дорогой! – на этот раз безо всякой иронии отозвалась я.

– Прости, я... – Он не договорил, комкая в кулаке газету. – Нет, ничего.

Я кивнула, принимая так и не произнесенное извинение, и впервые за долгое время искренне улыбнулась мужу. Мой благоверный не мог пересилить себя и вслух признать, что был неправ... Впрочем, мне хватило и этого.

Столовую я покинула, как принято писать в романах, с чувством глубокого удовлетворения...

Город тонул в тумане, пробирающем сыростью до костей. В нем терялись звуки и запахи, и я передернулась, плотнее закутываясь в шаль: неприятно чувствовать себя мухой, увязшей в варенье.

Отпирая дверь «Уртехюс», я вспомнила о вчерашних событиях и заполошно огляделась. К счастью, гадины нигде не оказалось: на столике, куда ее вчера столь небрежно бросил Исмир, теперь красовалась только пыль. Надо думать, змея пришла в себя и уползла. Или растаяла, как льдинка на солнце.

Первым делом заварить кофе – крепкий, жгучий, чтобы обжигал язык и разгонял кровь. О Петтере, подарившем мне это маленькое чудо, я думала с неподдельной теплотой.

Теперь зажечь аромалампу с капелькой иланг-иланга, от тягуче-сладкого аромата которого накатывает приятная расслабленность...

И только потом, грея руки о чашку с горячим напитком, позволить себе вспомнить и задуматься. Столько всего случилось, что от одного перечня кружилась голова: статья Знатока, змея, поцелуй с Исмиром, дуэль, объяснение с Петтером, буйство выюги и венец дня – тело мэра, распластавшееся у подножия скалы. Ах, чуть не забыла, еще ужин с господином Бюде-ром. Последний, кстати, моих надежд не оправдал. Несмотря на интригующее начало, беседа за столом касалась исключительно нейтральных тем вроде погоды и перспектив подледной рыбной ловли. О более любопытных вещах речи не заходило и, думается, виноват в этом господин Бранд, улучивший минутку, чтобы сказать «другу» несколько слов на ухо, после которых тот резко присмирел.

И, признаюсь, весь этот калейдоскоп меня настораживал. Рада ли я тому, что давно переставшие колебаться весы моей жизни вдруг отчаянно закачались, швыряя меня то в радость, то в боль? Зачем, милосердные мои боги, зачем это все? Уже не первый год я жила словно за стеклянной стеной, незаметно, но надежно отрезающей меня от всех треволнений. Сейчас она

истончилась, став не прочнее мыльного пузыря. И снова нужно склеивать ее из осколков... Или не нужно?

Руки привычно перебирали баночки, нос анализировал сочетание ароматов в пробниках духов, затем я резала и заворачивала в холст аккуратные бруски мыла... И все это время не могла отделаться от мысли, что опасно близко подошла к грани. Чего я хочу от жизни? Последнее два года все мои помыслы ограничивались одним: выжить. Не сломаться, не стать послушной игрушкой, вырастить сына... Что же изменилось теперь?

Может быть, всему виной воспоминания о поцелуе Исмира? До сих пор Ингольв был единственным мужчиной, которому я позволяла такие вольности. Сначала я его безумно любила, а потом не видела смысла менять шило на мыло. Я не питала иллюзий: «спасать» меня от влиятельного полковника Ингольва никто не собирался. А вот поиграть с огнем, закрутив интрижку со мной за спиной мужа, многие бы не отказались. Но брезгливость не позволяла мне принять эти «чувства».

И как теперь вести себя с Исмиром? Я мерила шагами свою лабораторию. Надо думать, лучше всего сделать вид, что ничего не случилось. Оставалось только надеяться, что я сумею держаться как ни в чем не бывало... Только отчего же я так нервничаю сейчас?

Поэтому, признаюсь, робкому стуку в дверь я искренне обрадовалась. Пусть глупо сбегать от тяжелых мыслей, в тот момент мне требовалась передышка.

– Входите, не заперто! – крикнула я, гадая, кому могла понадобиться в такую рань. При серьезных болезнях и острых состояниях лучше посетить врача. Травы действуют медленнее уколов.

Менее всего я ожидала увидеть маленького человечка, сжимающего в заскорузлых пальцах шляпу. Негромкая симфония травяных ароматов, навсегда пропитавших не только его одежду, но даже кожу и волосы, безошибочно указывала на его профессию. Мята, чабрец, тимьян, ромашка – словно ласковое дуновение теплого ветерка.

– Здравия вам желаю, госпожа, – поклонившись, проскрипел человечек.

– И вам здоровья, Палл, – оправившись от удивления, приветливо произнесла я. – Что вас привело ко мне?

Он залился краской, отчего его светлые волосы, казалось, стали еще ярче.

– Я... – Он закусил губу, потоптался на пороге и наконец попросил тихо: – Мне нужна ваша помощь, госпожа.

– Помощь? – искренне удивилась я. До сих пор мне вообще не доводилось видеть, чтобы Палл выходил из оранжереи. Даже нуждающиеся в починке вещи (а он мастер на все руки) ему доставляли наверх. Палл давно сроднился со своими растениями, разговаривал с ними, словно с детьми, и казалось, сам стал частью оранжереи – как установленные возле дорожек декоративные фигуры. – Что-то с садом? Вредители?

– Нет! – Палл мотнул головой и произнес со странной нежностью: – Это все моя дочка, госпожа!

– Дочка?! – переспросила я, с искренним удивлением глядя на него. Мне казалось, что только бесконечно одинокий человек мог с такой нежностью относиться к растениям. К тому же до сих пор Палл никогда не упоминал о семье. Но многослойная, густая и теплая ваниль не оставляла сомнений в его искренней любви к девочке. – Разве вы... Впрочем, что это я? Конечно, я сделаю для вашей дочери все, что в моих силах. А теперь присаживайтесь и рассказывайте.

Он благодарно кивнул и с опаской устроился на самом краешке стула. Я сложила руки на коленях и чуть склонила набок голову, демонстрируя свой интерес.

– Моя девочка, – начал Палл с волнением, – служит горничной у барышни Сигнё. Ну то есть у ее родителей, конечно!

– Пойдите, – перебила я. – То есть ваша дочь уже взрослая?

– Да, – кивнул он, явно не понимая, что меня так удивило.

– Извините. – Я жестом предложила ему продолжать. Отчего-то мне представлялась маленькая девочка, прячущаяся в зарослях жасмина, а не взрослая девушка.

– Ну вот. – Палл нервно мял в руках шляпу. – Барышня была ею довольна, даже обещала взять в личные камеристки, как выйдет замуж...

Последнее он сообщил с явной гордостью. Я внимательно слушала, недоумевая про себя, какое все это имело отношение ко мне.

– И в чем, собственно, состоит проблема? – не выдержала я, когда он замолчал.

От него пахло крапивой – стыдом и болью.

– У моей девочки – ее зовут Гердис – есть поклонник. Он даже приходил знакомиться, такой воспитанный паренек! Разрешения просил на ухаживание, как у отцов и дедов наших принято было!

– Понятно, – вставила я, стараясь его подбодрить, потому что Палл, казалось, вытаскивал из себя слова как занозу.

– Он хороший мальчик! – снова с жаром заверил меня Палл. Пахло от него в этот момент странно. словно разномастные отрезки ткани: льняное полотно базилика, легкий газ кудрявой мяты, тяжелый бархат ветивера, колкая шерсть лимонной травы...

– Не сомневаюсь, – согласилась я. – И что же поменялось теперь?

– Он... – начал Палл, запнулся, гулко сглотнул и признался шепотом: – Он начал требовать от моей девочки... непристойного!

– Хм... – Под «непристойным» заботливый отец может подразумевать и вполне невинные поцелуи. – Что именно?

– Всякое, – туманно объяснил он, не поднимая глаз. – Такое, что только муж от жены может требовать!

– И чего вы хотите от меня? – спросила я напрямик.

– Что-нибудь такое... – Палл помялся и закончил обтекаемо: – Чтоб его отпугнуть!

– Отпугнуть? Или успокоить... пыл? – уточнила я.

В первом случае выбор широк: мало ли составов, имеющих невыносимый для мужчин аромат! Взять хотя бы масло нима – непередаваемая вонь подгнившего лука и прелого чеснока способна изгнать из спальни любого мужчину. Во втором случае к подбору придется отнестись куда тщательнее.

– Успокоить, – определился Палл, подумав.

Кажется, в его сознании не укладывалось, что некоторые хорошие и добрые люди в интимной жизни способны на всякое. Хотя в целом его волнение за судьбу дочери я вполне понимала. Что, если этот юноша, получив желаемое, на девушке не женится? Ведь у нее может родиться ребенок, а это несмываемый позор. Кстати, нужно заглянуть к госпоже Бергрид и справиться о судьбе несчастной гувернантки. За всеми тревоблениями последних дней я совсем позабыла о своем обещании.

– Госпожа, я... я по гроб жизни буду вам благодарен!

– Пока не за что, Палл, – отмахнулась я. – Послушайте, сначала мне нужно увидеть вашу дочь и немного с ней поболтать. Вы сможете это устроить?

– Смогу, – подумав, согласился он. – Думаю, барышня ее отпустит. Только вечером.

– Замечательно, тогда сегодня после ужина я буду ее ждать!

– Спасибо вам, госпожа! – Палл вскочил и глубоко поклонился. Его окружал ликующий апельсиновый аромат. Такое доверие к моим способностям даже немного пугало. – Вы так добры!

– Думаю, вам следует поспешить к дочери, – предложила я с улыбкой.

Он судорожно кивнул и, еще раз поклонившись, буквально выбежал прочь.

Я задумчиво проводила его взглядом. А ведь я не так мало времени проводила в оранжерее, нередко разговаривала с Паллом, но даже не имела представления о его семье! Неужели я настолько эгоцентрична, невнимательна, замкнута? Думать об этом было неприятно, но доля правды в этом имелась. При всей моей чувствительности к запахам и к эмоциям окружающих много ли я в действительности обращала на них внимания? Не превратились ли для меня люди во флаконы с духами – любопытные, но неживые?

Встряхнув головой, я постаралась отбросить неприятные размышления. Что толку мучить себя пустыми рассуждениями?.. Лучше заняться уборкой: расставить по местам бутылочки и баночки, перемыть посуду, навести порядок на полке с готовыми заказами.

Иногда мне кажется, что некоторые вещи обладают своим собственным разумом и умеют прятаться. Ничем иным я не могла объяснить притаившийся за диваном флакончик с маслом ромашки или, скажем, вечно теряющиеся пары к перчаткам.

Обнаружив задвинутую за кресло бутылку вина, я даже не удивилась, благо помнила, как ее отобрал у меня Петтер. Я машинально откупорила пробку, понюхала... и замерла. В густом сладком аромате винограда, приправленном острой ноткой спирта, пробивались знакомые орехово-травяные нотки...

Идентифицировать примесь не составило труда. Как можно было сразу не заметить?! Впрочем, вкус и запах напитка вчера очень мало меня интересовали.

Выходит, столь сильное опьянение не было случайным. Теперь оставалось только благодарить Петтера, который не позволил мне больше пить.

Я так и замерла с бутылкой в руках, полностью погрузившись в размышления, а потому не слышала ни стука, ни скрипнувшей двери, ни шагов.

– Дама, выпивающая в одиночестве, да еще в столь ранний час... Не находите это несколько... вульгарным? – со странной смесью заботы и насмешки поинтересовался кто-то.

От неожиданности я вздрогнула и едва не пролила бутылку на себя. Воображаю, что сказали бы слуги и свекор, если бы я сдала в стирку залитое вином платье!

– Господин Исмил, не слишком вежливо с вашей стороны входить без разрешения, – заметила я с досадой, стараясь на него не смотреть. Благие намерения держаться спокойно и сдержанно оказалось сложно воплотить в жизнь.

– Простите, что не дал вам времени... подготовиться к моему появлению! – извинился он серьезно. И только звонкий аромат лицей и легкий кивок в сторону «улики» выдавали иронию.

– К вашему появлению невозможно подготовиться, – призналась я честно, отставляя бутылку. – Вы как лавина – всегда неожиданны.

– Склонен считать это комплиментом. – Он наклонил голову. Сегодня Исмил выглядел взъерошенным, как искупавшийся в луже воробей. Даже аромат сандала как будто разбавили хлорированной водой.

Мне вдруг отчаянно захотелось запустить пальцы во встопорщенные светлые пряди, и, чтобы удержаться, потребовалось усилие воли. Боги, что это со мной?! Неужели единственный поцелуй лишил меня, взрослую опытную женщину, остатков разума?!

На мгновение у меня мелькнула мысль действительно завести любовника. В конце концов, Ингольв не раз изменял мне, так что я имела полное моральное право отплатить ему той же монетой. Только это слишком мелко и... гнусно.

– Как вам будет угодно.

Нейтральная фраза из репертуара моей бабушки заставила его улыбнуться, но лишь на мгновение – потом улыбка будто растаяла. Возле губ его пролегли складки, и только глаза по-прежнему лучились спокойной уверенностью.

– Госпожа Мирра, я пришел к вам отнюдь не для светской беседы, – вздохнув, признался он. – Разрешите присесть?

- О, конечно, присаживайтесь, – спохватилась я. – Выпьете чего-нибудь?
- Нет, благодарю вас, – отказался он, не задумываясь.

Я же налила себе еще кофе, мимоходом прикидывая, которая это чашка за сегодня. Третья, четвертая? Впрочем, не важно. Я была безмерно рада, что есть чем занять руки.

Пожалуй, стоит добавить в аромалампу немного фенхеля и капельку иланг-иланга, чтобы сделать беседу более доверительной. Хотя лучше обойтись без иланг-иланга, его вкрадчивая сладкая песня слишком расслабляет и настраивает на любовный лад. Под заинтересованным взглядом Исмира я накапала фенхеля и села напротив.

Он смотрел на меня, чуть прищурив светлые глаза, и рассеянно поглаживал мягкую обивку кресла. На мгновение мне показалось, что оно сейчас заурчит под его рукой, как разнежившаяся кошка, и я смущенно отвела взгляд. Это было... слишком!

- Слушаю вас, – произнесла я, когда пауза уже стала неприличной.

– Мне нужна ваша помощь, – сообщил он так просто и обыденно, что я едва не согласилась с ходу.

«Никогда не подписывай бумаги, не прочитай их, и не договаривайся ни о чем, не выяснив условия досконально!» – советовал мой старший брат.

Пристальный взгляд Исмира меня смущал, но признаваться в этом я не желала, потому приняла по возможности отстраненный вид. В конце концов, если ему требуется моя помощь, пусть хотя бы объяснит толком!

– В чем же? – Я подумала, добавила в горький напиток ложку меда, размешала и попробовала. Теперь именно то, что нужно.

– Видите ли, расследованием убийства мэра занимаюсь я, разумеется, вместе с инспектором Сольбрандом, – сообщил он буднично, и я едва не поперхнулась кофе.

- Вы?! Но почему?

- Есть основания полагать, что это затрагивает интересы Льда, – объяснил он туманно.

В обыденные дела человеческих поселений драконы и хель практически не вмешивались, ограничиваясь назначением верных людей на некоторые должности. Зато магические слова «интересы Льда» давали им почти безграничную власть. Другой вопрос, что перед сородичами придется отчитываться за применение этой власти.

– Понятно, – кивнула я. – Однако какое отношение это имеет ко мне? Надеюсь, вы не будете настаивать на идиотской версии, что его убила я?

– Что вы! – возразил он живо и тут же все испортил. – Ваш юный сопровождающий дал вам прекрасное алиби.

Звучало это так, будто в достоверности этого алиби у дракона имелись изрядные сомнения.

Я вспыхнула. Отчего меня постоянно преследовало чувство, что он надо мной насмехается?

- Господин Исмир, если вы намерены меня оскорблять...

- Что вы! – усмехнулся он. – Как я могу?

– Что вам от меня нужно? – проговорила я отдельно. Остаться сдержанной и невозмутимой в его присутствии мне никак не удавалось, хотя сам Исмир являл собой истинное воплощение льда, и эмоции его казались всего лишь морскими волнами, омывающими сверкающий айсберг спокойствия.

Надо думать, выражение моего лица было достаточно красноречивым: маска паяца слетела с дракона мгновенно.

– Чтобы вы осмотрели тело мэра, – сказал он сухо. – Мне нужны любые подсказки, какие вы сможете дать.

– Ни за что! – воскликнула я, так резко поставив на столик чашку, что из нее плеснула темная жидкость. От одного воспоминания о зловонии крови и вывалившихся кишок к горлу подкатил ком.

– У меня есть что предложить взамен, – сообщил Исмир.

– И что же? Деньги? Еще один букет цветов?

– Нет, – улыбнулся он очевидной нелепости моего предположения и подался вперед. Пахло от него теперь благородной горчинкой бергамота – интересом, даже азартом. – Нечто значительно более ценное. Хотите, я скажу вам, кто подбросил ту змею?

Я вздрогнула:

– Это ваши гипотезы или достоверные сведения? – Во мне кипели любопытство и опаска. Принять предложение Исмира было бы безрассудством. Но я должна знать! – А может быть, вы сами это сделали?

Такое предположение заставило его искренне расхохотаться, и от этого колкого злого смеха по телу моему пробежал озноб. Зря я считала Исмира таким уж спокойным – под иронией бушевал темный океан.

– Я не настолько коварен, – сознался он, кажется, даже с некоторым сожалением. – Зато доподлинно знаю, кто это сделал.

– И кто же? – спросила я, не выдержав.

– Даете слово?

– Да, – вздохнув, согласилась я. И невольно поморщилась, вообразив предстоящее испытание для моего нюха.

Ингольв будет в ярости! Откровенно высказываться против ледяных он не рисковал, однако не слишком скрывал свою антипатию.

– Я приказал отвезти тело домой, а не в мертвецкую, – в голосе Исмира промелькнуло сочувствие, подкрепленное ароматом зеленого чая с жасмином.

Облегчение похоже на запах мандарина – легкий, радостный, открытый.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила я. – Но сначала вы расскажете, кто подбросил мне ту змею.

– Хорошо, – согласился Исмир и, глядя мне прямо в глаза (боги, милосердные боги, каким синим льдом они сверкали в этот миг!), произнес: – Ингрид!

– Вы уверены? – только и спросила я. Не скажу, чтобы это стало для меня такой уж неожиданностью. До сих пор мне в голову приходили три кандидатуры: мой любимый свекор, доктор Ильин и милая Ингрид. Причем я бы поставила на господина Бранда, хотя терялась в догадках, как он сумел это проверить.

– Абсолютно, – подтвердил Исмир, кивнув. – Я собственными глазами видел, как в то утро она заходила в «Уртехюс» с корзинкой в руках. Час был очень ранний, дожидаться вас она не стала... Тут все ясно.

– К тому же она наполовину из ванов, – вспомнила я. Теперь, когда разгадка была известна, детали собирались воедино легко и просто. – А потомки богов плодородия прекрасно управляют с животными.

Исмир только пожал плечами, затем встал и церемонно подал мне руку:

– А теперь нам пора!

Я, хоть и не без внутреннего протеста, приняла его помощь. И только потом спохватилась:

– Постойте, а что вы сами делали возле «Уртехюса» так рано?!

Раз он видел Ингрид, а потом мгновенно отреагировал на мой крик...

Исмир преспокойно подал мне пальто и помог его надеть.

– А вот об этом позвольте умолчать, – шепнул он, склонившись к моей макушке.

Просить его прекратить было бы глупо – его действия не выходили за рамки обычных услуг, оказываемых джентльменом даме. Вот только отчего-то они казались странно интимными и волнующими...

– Мне бы хотелось к десяти часам вернуться в «Уртехюс», – сказала я сухо. – Так что стоит поспешить.

– Как хотите, – согласился он, подавая мне руку...

Извозчик косился на дракона с нескрываемым любопытством и, надо думать, с огромным удовольствием отрастил бы себе уши, как у слона, чтобы только расслышать наш разговор.

Забывшись, я произнесла это вслух.

Исмир негромко рассмеялся и сообщил как бы между прочим:

– Помнится, раньше я любил на них охотиться...

– Охотиться на слонов?! – искренне удивилась я.

– Само собой, – пожал широкими плечами он. – У нашей молодежи это весьма популярное развлечение. Касатки и прочая морская живность надоедают, хочется некоторого разнообразия.

– Но слоны?! – В моей голове по-прежнему это не укладывалось.

– А почему нет? Есть даже легенда, как некий дракон упал и раздавил бедное животное. От смешения их крови произошло драконово дерево, мне его показывали...

Мне отчаянно хотелось спросить, с кем он летал на юг, но столь откровенное любопытство даме не пристало. Поэтому спросила я совсем о другом:

– Разве ледяные драконы могут жить в столь жарком климате?

– А вы полагаете, в тепле мы должны таять? – усмехнувшись, ответил вопросом на вопрос он.

Признаюсь, именно так я и думала. Как тут не вспомнить детские сказки об изваянной изо льда красавице, которая весной превратилась в воду? Впрочем, в таком случае ледяные вряд ли приближались бы к людям.

– Хм... – Скрывая смущение, я посмотрела в окно.

Исмир не преминул этим воспользоваться: завладел моей рукой и поднес к своей щеке.

Я дернулась и вскинула на него глаза. Пахло от него оглушающе: медом, жасмином, белым мускусом.

– Теплая, правда? – Он смотрел прямо на меня, и в прозрачной глубине голубых глаз больше не было льда, а кожа под моими пальцами действительно ощущалась мягкой и теплой. Легкое дыхание дразняще касалось моего запястья.

На мгновение показалось, что Исмир не удержится и превратит это невинное прикосновение в ласку. И когда он отвел взгляд и выпустил мою ладонь, я едва сдержала разочарованный вздох.

Остаток пути мы проделали молча. Я сидела с закрытыми глазами, делая вид, что дремлю.

Наконец кеб остановился у особняка мэра. Исмир расплатился с извозчиком и помог мне выйти. Я поежилась от ледяного пронизывающего ветра. Воздух казался взвесью соли, льда и мельчайших капелек воды.

Встретивший нас дворецкий был растерян настолько, что даже не потребовал от Исмира какого-то подтверждения полномочий. Впрочем, не приходилось сомневаться, что этот высокий светловолосый мужчина – действительно дракон. Даже если не принимать во внимание стихию льда, сейчас буквально сверкающую в нем, кто еще мог явиться зимой в одной рубашке?

– Госпожа Гюльвейг слегла и никого не принимает, – доложил дворецкий потерянно. Выражение лица у него было недоверчивое и обиженное, как у ребенка, которому сообщили, что подарков на зимние праздники не будет.

Признаюсь, отсутствие моей «подруги» устраивало меня как нельзя больше, учитывая ее любовь к тому, что деликатно именовали «светским разговором», а по сути – к сплетням. Страшно представить, в каком гневе будет Ингольв, если ему донесут о моем участии в этом деле!

Впрочем, я оказалась в нем замешана много раньше, когда мы с Петтером нашли тело мэра. К тому же теперь мне было что ответить мужу.

– Нет нужды беспокоить вашу госпожу, – откликнулся Исмил, оглядываясь.

Холл буквально ослеплял роскошью барокко: повсюду позолота, затейливая мебель, колонны, драпировки и статуи. Я в своем скромном платье чувствовала себя здесь неуместной, но, кажется, дракона обстановка не смущала.

– Проводите нас к телу хозяина.

– Как прикажете, – склонился в поклоне тот. – Прошу следовать за мной, господин, госпожа!

Мы поднялись по широкой парадной лестнице, свернули в устланный коврами коридор и наконец остановились перед массивной дверью.

Дворецкий протянул руку, собираясь постучать, потом спохватился и осторожно повернул ручку.

– Вот, – сказал он тихо. Губы у него дрожали, и он, видимо не доверяя голосу, только мотнул головой в сторону роскошной постели, на которой возлежал мэр (точнее, его тело).

Я буквально заставила себя к нему приблизиться, хотя запах крови и тлена ощущался значительно слабее, чем ожидалось. И это несмотря на то, что окна, задрапированные тяжелыми шторами, не пропускали ни малейшего дуновения ветерка.

– Его вымыли? – поинтересовалась я. И, кажется, обрядили в ночную сорочку.

– Конечно! – так возмущенно ответил мажордом, как будто я заподозрила его в чем-то неприличном.

– А ведь я приказал оставить тело в неприкосновенности, – холодно заметил Исмил.

– Как можно?! – Дворецкий от возмущения даже позабыл говорить шепотом. – Ведь простыни запачкались бы!

Я спрятала улыбку (нервы, это все нервы!) и сказала примиряюще:

– Теперь уже поздно об этом говорить.

Хотя, если откровенно, в глубине души я была благодарна рачительному слуге: по крайней мере, теперь зловоние не было нестерпимым. Дворецкий, с достоинством поклонившись, вышел в коридор.

Я закрыла глаза и склонилась поближе к лицу убитого. Несколько минут стояла неподвижно, мерно вдыхая и выдыхая.

Табак, кровь, пот, кислая гниль от живота, хвойный одеколон, запах нездоровых зубов... И еще один, на удивление сильный – сладковатый, чуть землистый, тонкий аромат, отдаленно напоминающий застоявшийся травяной чай. Нет, ошибки быть не могло.

– Откуда?! – удивилась я вслух, открывая глаза.

– Что?! – Исмил подался вперед. Острый запах лимонной травы выдавал его любопытство и напряженное внимание.

– Валериана, – сообщила я уверенно. Хотелось вымыть руки, а еще лучше – поскорее выйти на свежий воздух. – От него сильно пахнет валерианой.

– Валериана, – повторил Исмил задумчиво.

Я обернулась. Он смотрел на тело, потирая подбородок.

– Да, – подтвердила я, пожав плечами. – Притом в весьма солидных количествах.

– Если не ошибаюсь, она обладает успокаивающим действием?

– Разумеется. – Я пожала плечами, отходя как можно дальше, хотя помогало это слабо. К горлу подкатывала тошнота, а запах тлена, казалось, пропитал все вокруг.

– А при передозировке? – быстро уточнил Исмир.

Я усмехнулась: сейчас он напоминал пингвина, которому поручена доставка срочной почты.

– Слабость, головокружение, сонливость. Вплоть до потери сознания.

Лицо дракона озарилось улыбкой, от избытка чувств он даже прищелкнул пальцами.

– Тогда все сходится! Убили его не возле Халле. На земле остались капли крови там, где волокли тело. Я не мог понять, почему на теле нет следов сопротивления. А теперь все сходится.

Я снова пожала плечами, больше интересуясь собственным бунтующим желудком, чем дедуктивными выкладками Исмира.

– Возможно, – согласилась я неопределенно.

– Следовательно, его опоили и привели в беспомощное состояние, – заключил Исмир, усаживаясь на ближайший стул – вычурный и явно неудобный. – Тогда встает вопрос: зачем? Мэр не отличался силой, и любой мало-мальски тренированный мужчина мог с ним справиться. Возможно, убийца – женщина?

– Опять вы за свое! – возмутилась я, но скорее по инерции и принялась массировать мочку уха (говорят, это помогает справиться с дурнотой).

– Что? – удивился Исмир, кажется, совсем обо мне позабывший. – А. Нет, я не вас имел в виду.

– Благодарю! – едко ответила я, однако возмущившийся организм не дал закончить столь любопытный разговор. Больше не в силах сдерживаться, я ринулась из комнаты, прижимая руку ко рту и мечтая поскорее выбраться на свежий воздух.

С силой распахнула дверь, едва не пришибив ею какого-то лакея (надо думать, он подслушивал, так что поделом!).

– Мирра, куда вы? – услышала я за спиной удивленный вопрос Исмира, но, разумеется, не остановилась: промчалась по лестнице, не обращая внимания на изумленные взгляды слуг, и вихрем вырвалась на улицу...

Я глубоко, с наслаждением вдыхала влажный солоноватый воздух. Смаковала, как самые лучшие духи, запахи грязи, мокрого камня, шерсти, подгорелого хлеба, пирогов с яйцом и луком. На поднятое к небу лицо падали редкие капли дождя. Вдох-выдох-вдох-выдох... Тошнота, удавкой стянувшая горло, постепенно ослабляла хватку.

– Простите. – Низкий голос, раздавшийся за спиной, заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

Я промолчала в ответ, понимая, что Исмир заранее знал, какое действие окажет на меня этот визит. Так что извинялся он лишь для проформы.

– Простите, – повторил он, остановившись за моим плечом.

– Надеюсь, вы довольны? – Вопрос прозвучал устало.

– Полностью, – заверил он, по-прежнему стоя у меня за спиной.

Столь близкое присутствие нервировало, заставляло задерживать дыхание, чтобы только не чувствовать мягкого дуновения сандала, приправленного толикой лаванды – сочувствия.

– Тогда я пойду. – Губы слушались с трудом. В голове прояснилось, но противная слабость отдавалась дрожью в руках.

Исмир вздохнул, кажется досадуя.

– Госпожа Мирра, я еще раз приношу вам свои извинения, – произнес он церемонно. – Сейчас я вызову кеб и отвезу вас домой.

– Благодарю, я лучше пройду пешком.

– В таком случае я вас провожу, – решил он, и я не выдержала, обернулась.

Лицо Исмира было спокойным, взгляд ясным, и аромат сандала – безмятежности – вдруг рассердил меня.

– Это лишнее. – Я отвернулась и, бросив: – До свидания, господин дракон! – пошла вниз по улице. Мокрые булыжники под ногами, ветер в спину, ароматы рыбы, горячего вина и жареного бекона – что может быть лучше для прогулки?

Даже не оборачиваясь, я чувствовала, что дракон следует в нескольких шагах позади, что меня, признаюсь, совершенно устраивало. Я устала, бесконечно устала, только усталость эта не имела никакого отношения к ноющим мышцам и физическому голоду. Взгляд мой скользил по фигурам и лицам прохожих, которых, несмотря на дождь, было много. Рабочий люд, редкие джентльмены, испуганно озирающаяся барышня под нелепым в такую погоду кружевным зонтом... Ингойя смотрела на меня сотнями глаз и десятками окон, манила витринами и дразнила ароматами. В голове, кажется, не осталось ни одной мысли, только размеренное движение и запахи: вкусные, отталкивающие, изысканные...

Потому Ингрид, стоящую у витрины аптеки, я узнала, только когда она меня окликнула:

– Госпожа Мирра, какая чудесная встреча! – Голос Ингрид звенел почти искренней радостью. Впрочем, встреча со мной в обществе Исмира действительно была для нее подарком.

– Взаимно, – ответила я, с некоторым трудом водружая на место привычную маску вежливости.

– Надеюсь, с вами все в порядке? – встревоженно спросила Ингрид. – Вы так бледны! Может быть, переутомились?

– Что вы, прогулки по морскому берегу пошли мне на пользу! – заверила я, хотя сарказм выпирал из этой фразы, как запах спирта из только-только составленных духов.

Ингрид опустила глаза, покусала розовые губки и сказала растерянно:

– Вы меня не любите, правда?

Что можно на это ответить? Разве что:

– Вы ошибаетесь. – Прозвучало корректно, хотя не слишком уверенно.

– Не любите, – покачала головой она. – Конечно, я догадываюсь почему...

– Хм, – произнесла я глубокомысленно. Удивительная незамутненность!

– Вы вправе меня ненавидеть! – продолжила она экспансивно. – Но я очень надеюсь, что вы сможете меня понять и простить. Любовь господина Ингольва...

– Госпожа Ингрид, – сказала я резко. – Я не хочу это обсуждать.

– Конечно. – Она то ли вздохнула, то ли всхлипнула, как обиженный ребенок. – Я понимаю. Но поверьте, я не желаю вам зла!

– Разумеется, – согласилась я. При определенной доле снисходительности можно признать, что так оно и было. В конце концов, она вполне могла, скажем, подбросить не ужа, а гадюку. Хотя столь необычный для Ингойи способ убийства вызвал бы повышенный интерес полиции.

– И мне так вас жаль, – продолжила она тихо. Пахло от нее ванилью, фиалками, миндалем и острым перцем – не разобрать, духи это или чувства. Уже не в первый раз я замечала, что Ингрид необыкновенно умело обращалась с запахами, так изящно переплетая ароматы тела, косметики и эмоций, что вычленишь из этой композиции отдельные элементы не представлялось возможным.

– Право, не стоит, – заметила я, чувствуя себя несколько странно. Передо мной, несомненно, разыгрывался спектакль, но с какой целью?

– Стоит! – возразила она вдруг так громко, что на нас обернулся какой-то пожилой джентльмен. – Я так переживаю из-за вашего сына!

– Из-за моего... сына? – повторила я непонимающе.

– Ну как же?! – Ингрид похлопала ресницами. Любопытно, она их подкрашивает? Уж очень необычно смотрятся темные ресницы при таких светлых волосах. – Разве вы не знаете, что в Хэймаэль эпидемия? Конечно, я уже выразила господину Ингольву свои соболезнования...

– Эпидемия, – повторила я тупо. Вдруг мне стало не хватать воздуха. Боги, милосердные мои боги, только не это!

Я сжала кулаки, заставляя себя изобразить спокойствие. Нельзя позволить ей увидеть, как больно мне сейчас.

– Вы так бледны, госпожа Мирра, вам нехорошо? – заботливо осведомилась Ингрид, и только вдруг пробившийся едкий йодистый аромат насмешки никак не сочетался с участливым тоном.

– Что вы ей сказали? – резко спросил у нее вдруг оказавшийся рядом Исмир, осторожно придерживая меня за локоть. Теперь мы трое стояли на пороге аптеки, а из-за стекла выглядывал заинтересованный хозяин.

Я мягко высвободилась из рук дракона.

Ингрид лукаво посматривала на Исмира. Надо думать, она преподнесет Ингольву эту сцену под таким соусом, что меня сегодня же ждет очередной скандал. Впрочем, сейчас это волновало меня меньше всего.

– Правду! – заявила Ингрид безмятежно, поправляя ленты на шляпе. – В кадетском корпусе, где учится сын госпожи Мирры, свирепствует эпидемия. Говорят, уже больше десятка покойников.

Я на мгновение прикрыла глаза. Какая же она змея! Хотя Ингольв наверняка считает ее милой девочкой, но мужчинам вообще не стоит доверять в таких вопросах.

– Вижу, вас это радует. – Голос Исмира звенел льдом, и пахло от него мятой и базиликом: интерес и трезвый расчет. – Надеетесь, что он женится на вас после... обретя возможность получить свободу?

«После смерти сына» он сумел вовремя проглотить, и я была за это благодарна.

– Почему нет? – согласилась Ингрид спокойно и поправила роскошный меховой воротник. Казалось, ее нисколько не заботило, что под усиливающимся дождем дорогая вещь скоро придет в негодность.

– Неужели вы всерьез полагаете, что такой поворот устроит... заинтересованные стороны? – Исмир поднял брови.

От его брызжущего имбирем и лавандой насмешливого сочувствия Ингрид дернулась, и выражение безмятежного покоя на ее лице словно треснуло, как фарфоровая ваза.

– Я бы не стала на это рассчитывать. – Собственный голос показался мне похожим на карканье.

– Почему же? – снисходительно спросила она, уже почти оправившись.

В другой момент превосходство на ее лице меня задело бы, но сейчас все мои мысли были только о Валериане. И об Ингольве – ведь он не мог не знать!

Противостояние с Ингрид придавало мне сил и бодрило, как чашка крепчайшего кофе.

– Вы всерьез надеетесь, что Ингольв так легко откажется от своего положения в Ингойе? – поинтересовалась я и поняла, что попала в точку. Хель сделали Ингольва полковником только ради меня, и очень сомнительно, что он сохранит свое звание и должность, перестав быть моим мужем.

Ингрид смотрела на пышные цветы в витрине аптеки, и от нее, перекрывая запах духов, исходила волна ярости, сомнения и отчаяния. Слишком сильная, словно удушающий запах духов от разбитого флакона.

«А ведь она действительно влюблена в Ингольва!» – поняла я вдруг. До этого мне казалось, что прелестной Ингрид движет лишь трезвый расчет.

– Любопытный конфликт интересов, не так ли? – непонятно спросил Исмир.

Ингрид вздрогнула, повернулась к нему... Лицо ее сильно побледнело, и стало заметно, что румянец на щеках не натуральный. Кисло-острая, с гнильцой, вонь страха заставила меня поморщиться.

Прекрасные глаза Ингрид забежали, потом она преувеличенно заинтересованно уставилась на ярко-оранжевые календулы, сверкавшие за стеклом витрины, как множество маленьких солнц.

– Интересно, почему их называют ноготками? – спросила она как ни в чем не бывало. – Они укрепляют ногти?

– Нет, просто семена по форме напоминают обрезки ногтей, – объяснила я автоматически.

– А, вот оно что! – Она странно улыбнулась, не отрывая взгляда от цветов. – Что же, простите, я вынуждена спешить. Дела!

Ингрид, шагнув вперед, вдруг порывисто меня обняла.

– Опасайтесь дракона, – шепнула она мне на ухо. – Он не тот, за кого себя выдает!

Выпустив напоследок эту ядовитую стрелу, она грациозно двинулась прочь. Проводив ее взглядом, я вдруг обнаружила, что Исмир смотрит ей вслед с каким-то непонятным выражением лица.

– Пойдемте, я отвезу вас домой, – велел он, очнувшись.

Повинуясь взмаху его руки, рядом тут же остановился экипаж. Дрожать я начала уже в теплом салоне, пропахшем табаком, потом и сладким анисом, семена которого повсеместно используют для изгнания надоедливых насекомых.

На удивление дракон молчал, деликатно глядя в сторону, и только изредка обеспокоенно на меня посматривал.

«Валериан! – билось в моей голове под стук копыт и скрип колес. – Только бы с ним было все хорошо, только бы!..»

Знакомая обстановка «Уртехюса» действовала на меня как горячая ванна на перетруженные мышцы. Надо бы заварить чай с ромашкой и липой, но на это просто не осталось сил. Я кое-как добралась до кресла и свернулась в нем клубочком, желая только закрыть глаза и ни о чем не думать. Забыть все, что наговорила Ингрид, стряхнуть липкую паутину страха за своего ребенка. Но как, как не думать о том, что Валериан, быть может, сейчас мечется в горячке – совсем как Фиалка когда-то?! И от этого хотелось выть...

Норны, за что вы так со мной?! Почему я, аромаг, в силах помочь кому угодно, только не своим собственным детям?! Жестокая шутка судьбы...

– Спасибо за помощь, господин Исмир, – проговорила я с трудом, вдруг осознав, что он замер в нескольких шагах от меня. – А теперь я бы хотела остаться одна.

Нужно встать, нужно что-то предпринять. Вот только что? Мчаться в Хэймаэль? Но у меня нет денег, чтобы нанять извозчика для столь дальней поездки, а автомобиль Ингольв, конечно, не даст. Пешком же я доберусь на другой конец острова не меньше чем за неделю, если доберусь вообще. От беспомощности хотелось плакать, и я прикрыла тяжелые веки, сдерживая слезы. За грудиной болело, словно в сердце проворачивали острый нож. Я бы охотно умерла сама, только бы жил сын!

– Мирра, вам нехорошо? – встревоженно спросил Исмир, и я усмехнулась через силу. Надо же, никогда не слышала у него столь заботливого тона.

На вежливость сил не осталось.

– А вы как думаете? – ответила я, не открывая глаз, и с силой сжала кулаки, пытаясь успокоиться.

– Чем вам помочь? – встревожился Исмир, и в тоне мне послышались отголоски обычной мужской паники при виде женских слез. Это вдруг показалось мне ужасно смешным, и я расхохоталась, чувствуя, как по лицу покатились слезы.

Лицо мое вдруг обожгла хлесткая пощечина, и от неожиданной боли я распахнула глаза. Исмир присел передо мной на корточках.

– Хватит? – поинтересовался он спокойно. – Или добавить?

– Хватит, – с трудом произнесла я, пытаюсь затолкать внутрь пробивающийся смех. – Спасибо! А теперь все же уходите, пожалуйста, уходите!

Он пожал плечами и гибко поднялся, но, против моих ожиданий, не ушел. Отвернулся и поинтересовался:

– Если дело обстоит так, то вы не хотите уйти от мужа?

Надо думать, в любом другом случае я ответила бы, что это не его дело, однако момент он выбрал превосходно. Сейчас мне было плевать на все.

– Почему не хочу? – Я пожала плечами, сняла шляпу и принялась расчесывать (пальцами, позор!) растрепавшиеся рыжие пряди. – Хочу!

– В таком случае, отчего же не уходите? – Исмир обернулся, держа в руке злополучную бутылку вина.

– А куда? – устало спросила я. – Сын, деньги, дом – по закону все принадлежит мужу. Я даже с острова не смогу уехать без его *соизволения*! И вообще, господин Исмир, какое вам дело до моих отношений с мужем?!

Признаюсь, последним вопросом я втайне надеялась вывести Исмира из себя, однако он только мягко улыбнулся и налил вина.

– Выпейте! – не отвечая, велел он, протягивая мне стакан.

Я протестующе мотнула головой, но отделаться от Исмира было не так-то просто. Он поднес стакан к моим губам и вновь повторил настойчиво:

– Выпейте, ну же!

Стекло настойчиво ткнулось мне в рот. Пришлось отшатнуться и вжаться в кресло.

– Не надо, – снова мотнула головой я. Только не учла, что дракон куда быстрее и сильнее любого человека. Мгновение спустя я обнаружила, что он осторожно удерживает мою голову так, что не дернешься, а стакан вновь прижат к моим губам. – Да прекратите же! – рявкнула я, стараясь не стучать по стеклу зубами. От нежнейшего аромата сандала и мандарина – в данном случае заботы – воля к сопротивлению утекала, как вода из ванны в открытый сток. – Вы хотите меня отравить?!

– Отравить? – эхом повторил Исмир. Глаза его вдруг полыхнули таким льдом, что захотелось зажмуриться. Стакан он убрал так резко, что немного вина плеснуло мне на шею.

Исмир замер, глядя на меня, и выражение его лица заставило меня судорожно сдернуть со спинки кресла салфетку (которая лежала там, чтобы мебель не пачкалась от макассового масла для волос) и промокнуть кожу. Дракон медленно опустил глаза, и я вдруг осознала, что он практически вжал меня в кресло своим телом.

Я невольно затаила дыхание... И когда Исмир встал, едва сдержала вздох разочарования. Боги, милосердные мои боги, о чем я думаю?! Я давно не верю в любовь, потому что за краткие минуты обманного счастья потом приходится расплачиваться годами боли. И все же...

– Почему вы сочли, что я намерен вас отравить? – голос его звучал сухо.

– Простите. – Я вздохнула и покаялась: – Конечно, я ни в чем таком вас не подозревала. Просто это поддельное вино.

– Вот как? – удивился он, рассматривая напиток на просвет. Поднес к носу, вдохнул и пожал плечами: – На мой взгляд, вполне нормальное мускатное вино.

– Мускатный шалфей, – поправила я и, видя его непонимающий взгляд, объяснила: – Чтобы придать изысканный вкус и аромат дешевому вину, в него добавляют масло шалфея мускатного. К сожалению, это многократно усиливает действие алкоголя и вызывает патологическое опьянение, а также сильнейшее похмелье.

– Как полагаете, кто это сделал? – поинтересовался Исмир, и в его колком запахе вдруг послышался азарт. Дракон подобрался, как-то напрягившись, словно готовясь к рывку.

– Наверное, виноторговец, – подумав, озвучила я свои выводы и объяснила: – Вино открывала я сама, пробка не была повреждена.

– Тем не менее кто-то вполне мог впрыснуть жидкость с помощью шприца, – предположил Исмир, облокотившись о каминную полку.

– Вряд ли, – не согласилась я. – Кому и зачем это понадобилось? Я просто позаимствовала первую попавшуюся бутылку из домашних запасов.

Кажется, это почему-то порадовало Исмира: исходящий от него запах буквально заискрился бодрящим кислым лимоном и горьковатым грейпфрутом.

– Тогда нам следует поговорить с виноторговцем, – легко предложил дракон.

Мята, лимон, кубики льда... Мне вдруг сделалось зябко.

– Господин Исмир... – Вздохнув, я потеряла лоб. – Надеюсь, вы понимаете, что сейчас мне не до этого.

– Понимаю, – согласился он, как мне показалось, с разочарованием. – Надеюсь, вы можете назвать мне виноторговца, который снабжает ваш дом?

– Разумеется, – не задумываясь, откликнулась я. – Ищите лавку «Мед Лайпнира».

– Благодарю! – церемонно склонил голову он. – Простите, вынужден откланяться, у меня еще много дел.

– Конечно, – рассеянно откликнулась я. – До свидания, господин Исмир.

Он только кивнул и стремительно вышел...

Я встала, задвинула засов и прислонилась спиной к прохладной двери. Зря я его не удержала, в одиночестве прятаться от тоскливых мыслей оказалось значительно сложнее.

Боги, милосердные мои боги, за что вы так со мной?! Два года назад я чуть не утонула в своей боли и выплыла лишь благодаря любви к сыну, аромагии и мелким радостям жизни. А теперь эти хрупкие соломинки кружатся в стремнине, то выныривая из водоворота, то скрываясь в глубине. Мне самой едва хватает сил, чтобы удержаться на поверхности, и я могу только беспомощно наблюдать, как тонет то, что мне дорого...

Зачем все это, если мой собственный муж предпочитает бывать не со мной, а с этой белой кошкой? Если он готов пусть не убить нашего сына, но отвернуться, когда тот умирает? Только бы получить вожаемую свободу!

Чем я хуже? В конце концов, я умна, образованна, не обделена мужским вниманием. Взять хотя бы Исмира...

Неужели все это из-за того, что мне некуда деваться? И Ингольв это отлично понимает. Может быть, следовало изображать идеальную жену, печь ему пироги, заглядывать в рот... Я старалась, особенно поначалу, но так и не смогла окончательно смирить свою натуру, она то и дело прорывалась – в интонациях, жестах, взглядах. А Ингольва это бесило несказанно, ему все мерещилось, что я намеренно принижаю его авторитет.

Когда-то он меня любил, даже несмотря на то, что я оказалась совсем не такой, как ему бы хотелось. А теперь? Куда делись тепло, радость, нежность?

И я тону. Бессистемно, под властью инстинктов, молочу руками по воде, панически глотаю воздух...

Я свернулась клубочком в кресле, в уютном «Уртехюсе», но даже привычный запах дерева и морской соли не мог меня утешить. Отчаянно хотелось заплакать, устроить скандал, разбить что-нибудь. Или просто заглянуть мужу в глаза и спросить: «Почему?»

И что мне теперь с этим делать, хотела бы я знать...

Я обвела воспаленным взглядом комнату и вдруг задумалась, как мало бы изменилось в нашем доме, случись мне куда-то исчезнуть. Наверное, все вздохнули бы с облегчением. Сольвейг отпраздновала бы победу в домашней войне и отныне невозбранно клала бы в еду красители и ванилин. Сигурд просто пожал бы плечами и принялся обихаживать новую госпожу. Свекор наконец перестал бы пилить сына из-за такой неподходящей партии. Даже Палл бы немного повздыхал и быстро утешился в обществе своих драгоценных растений. Вот разве что

Уннер, добрая душа, пожалела бы меня, но и ей не до того: когда плачет и смеется собственное сердце, разве есть дело до чужой боли? Петтер? Он молод и быстро меня забудет.

Забавно, дети часто твердят: «Вот умру, и будете плакать!» А взрослый может вдруг осознать: никто не заплачет над ним. И будто тебя не было на свете...

Если я растаю, как снежинка в ладони, ничего здесь не изменится. Так же день будет сменять ночь, так же по однажды и навсегда заведенному распорядку будут подаваться завтраки, обеды и ужины. И другая женщина будет целовать перед сном моего мужа, родит ему детей – достойных, а не таких, как мои...

Так может быть, это выход?

Я подошла к окну, распахнула неподатливые створки. В лицо ударил свежий влекущий аромат моря, оно будто шептало, звало, манило...

Встряхнув головой, я рассмеялась, смакуя соленый воздух, как вино. Глупости, я слишком люблю жизнь, чтобы отдать ее по собственной трусости. Последние годы я плыла по течению, может, теперь наступил момент встать за руль и расправить парус?

Во мне бурлили злость, волнение и решимость – как глинтвейн, булькающий в кастрюльке и опьяняющий одним своим ароматом. Не лучшее настроение – для домашних битв нужен трезвый ум и спокойная голова.

Я прошлась по «Уртехюсу» в поисках, куда бы выплеснуть кипящую энергию, и на глаза мне почти сразу попался идеальный инструмент для этого. Говорят, некоторые шьют кукол, изображающих начальство, и колотят их, вымещая ярость. У меня же специи и травы, которые нужно измельчить.

Нет более умиротворяющего занятия, чем толочь жесткие стебли! Вскоре я упарилась, зато быстро успокоилась и повеселела. Мои боль и гнев послушно раскалывались под тяжелым пестиком в мелкую пыль, которую могло унести малейшее дуновение ветра...

Я спохватилась практически в последний момент, вдруг обнаружив, что до обеда осталось не более четверти часа. Вытерла вспотевший лоб, накинула на плечи невесомую пуховую шаль, привезенную Ингольвом мне в подарок, и поспешила к себе...

Уннер отчего-то была не в настроении. Она не поднимала глаз, и пахло от нее столь противоречиво – злостью, обидой, надеждой, – что у меня перехватило дыхание. Надо думать, она поссорилась с Петтером. Иной причины для такого шквала эмоций я вообразить не могла.

Впрочем, обязанности свои Уннер выполняла вполне удовлетворительно, хоть и была непривычно молчалива, так что лезть к ней в душу я не стала...

К обеду я спустилась во всеоружии: платье персикового оттенка, ткань которого манила к ней прикоснуться; нежное благоухание липового аромата; раскачивающиеся в ушах и на шее янтарные капельки. Что же, очень уместно. Легенда гласит, что янтарь – это слезы богини Фрейи, которую бросил муж. Даже богиня любви не смогла избежать обычной женской участи...

Мои мужчины встретили меня с неудовольствием: увлекшись сборами, я задержалась почти на десять минут.

– Здравствуйте, господин Бранд! Здравствуй, дорогой. Петтер! – прощепетала я, усаживаясь на свое место.

Свекор, как всегда, что-то буркнул в ответ, Ингольв полоснул меня гневным взглядом, а Петтер смотрел странно испытующе. Пахло от него настолько непривычно, что на мгновение я замешкалась: тяжелый, душный запах табака, березового дегтя, ветивера, сдобренный цитрусами и мятой.

От Ингольва пахло имбирным элем и злостью. И он, разумеется, с ходу принялся предъявлять претензии:

– Мирра, ты совсем распустилась и забыла, кто ты и что тебе позволено, а что нет!

– Что ты, дорогой, как я могла? – возразила я мягко, прикидывая про себя, что ему наговорили на этот раз. Надо думать, милая Ингрид не упустила возможности втоптать в грязь ненавистную соперницу.

Впрочем, теперь это меня не слишком волновало. Хотя злить Ингольва не стоило, лучше попытаться договориться по-хорошему.

– Поговорим об этом позже, – резко ответил он и вновь уткнулся в свою тарелку, только отрывистыми репликами поддерживая беседу о перспективах «Ваттнайских медведей» в грядущем чемпионате по катанию на санках...

Обед длился и длился, и казалось, не будет ему конца. Мужчины, работая челюстями, перебрасывались соображениями о спорте, погоде, политике и технических новинках. Забавно, как любит сильная половина человечества рассуждать о глобальных проблемах – с такой уверенностью и апломбом, будто решение их зависит лично от каждого оратора!

Я же сидела как на иголках, пытаюсь заставить себя съесть хоть что-нибудь. Сольвейг приготовила обед в излюбленной своей манере: много жирного мяса, щедро приправленного жгучим перцем и острыми соусами. Как аромаг я понимала, что именно такая пища согревает и дает телу силы бороться с холодом, но за все проведенные здесь годы я так и не сумела к ней привыкнуть.

Проглотив несколько кусочков (нельзя ведь питаться одним кофе!), я с легкой гримасой отложила столовые приборы. Желудок принял подношение с недовольным ворчанием: сосущая боль в животе сменилась тяжестью и неприятным чувством.

Петтер поглядывал на меня обеспокоенно. Желая избежать лишних вопросов, я взяла с блюда сдобную булочку с изюмом, хотя даже запах ее вызывал тошноту.

– Мирра, – отвлек меня от борьбы с непокорным желудком голос благоверного. – Пойдем!

– Конечно, дорогой, – согласилась я, вставая. Такой поворот меня устраивал как нельзя больше, хотя, признаюсь, было страшно. Перемены всегда пугают, и людям свойственно цепляться за настоящее.

Я с облегчением отложила надкусанную булочку и, повинувшись властному жесту Ингольва, двинулась за ним в гостиную.

Муж заговорил, едва за нашими спинами закрылась дверь.

– Мирра, сколько раз я тебе говорил!.. – Под конец фразы он уже сорвался на крик.

Боги, как же я устала! Не знаю, что лучше: когда глупенькие девочки при первых трудностях бегут прочь, отчего-то считая, что любовь должна быть непрерывным праздником. Или когда двое неразрывно связаны друг с другом на всю жизнь и надо терпеть, понимать и принимать – хочешь того или не хочешь...

Я прижала ладонь к бунтующему животу и предложила устало:

– Ингольв, давай присядем и поговорим спокойно.

– Спокойно? – рявкнул он, вышагивая по ковру, как на плацу. – Спокойно?! Мирра, я молчал о твоей дружбе с хель, но это уже переходит все границы!

Я вздохнула про себя. Ингольв никогда не питал симпатии к хель, а после того, как они одобрили мое непослушание законному супругу, его неприязнь усугубилась многократно. Зная об этом, я старалась встречаться с Альг-иссой подальше от родных пенатов, что, впрочем, не прибавляло Ингольву расположения к ней и ее сородичам.

– Вижу, милая Ингрид тебе уже наябедничала, – ответила я, усаживаясь.

Лицо Ингольва побагровело, даже лысина налилась дурной кровью, а запах хрена и дегтя – ярости – буквально резал нос.

– Она не наябедничала, а открыла мне глаза! – Ингольв внезапно остановился в шаге от меня, сидящей в кресле, и это вдруг до боли напомнило мне утреннюю сцену с Исмиром. Признаюсь, в этот раз у мужа имелись все основания быть мною недовольным. Впрочем, у

меня претензий к нему все равно было больше. – Ты гуляешь наедине с драконом, как будто специально показываешь всем, что он – твой любовник!

– Он мне не любовник, – возразила я пока еще спокойно. Строго говоря, в этом не было ни слова лжи. – Не стоит повторять глупые сплетни.

– Мне наплевать! – взорвался Ингольв. – Главное, что ты выставляешь меня рогоносцем перед всем городом! Я требую...

Его голубые глаза яростно сверкали, а к аромату хрена прибавились запахи гвоздики и имбиря. Кажется, муженек испытывал от этой сцены даже некоторое удовольствие, и это вдруг меня взбесило. Благие намерения поговорить спокойно и разумно выветрились из моей бедной головы.

У меня больше не было сил так жить. Боги, милосердные мои боги, пусть будет что угодно, только не это бесконечное притворство! Последние два года я старалась не думать о будущем, не загадывать, не надеяться. Только жить, дышать ароматами, воспитывать сына... Разве я так много просила? И что я получила в итоге? Жизнь, похожую на прогорклое масло: вылить жаль, а использовать нельзя.

– Значит, тебе не нравится, что весь город считает тебя рогоносцем, – проговорила я тихо, и Ингольв, замолчав на полуслове, уставился на меня. – Поздравляю, теперь ты знаешь, что чувствовала я, когда ты кочевал из постели в постель.

– Это другое, – коротко возразил он, кажется, даже несколько смутившись. Ингольв, как и большинство мужчин, был твердо уверен, что сам он вправе делать что угодно, однако женщинам это непозволительно.

– Другое?! – Я нервно рассмеялась. Все, что так долго копилось, теперь рвалось из меня неудержимой лавиной. – Я могла стерпеть, пока ты сохранял хоть какое-то подобие приличий и не выставлял напоказ свои... увлечения. Но этого тебе показалось мало. Роман с милой Ингрид ты не только не удосужился скрывать, а, наоборот, демонстрировал! Да что там, ты позволил ей прилюдно меня поучать, ты дрался из-за нее на дуэли!

Ингольв смотрел на меня в оцепенении, надо думать, совершенно ошеломленный этой неожиданной вспышкой.

Меня мало трогали его случайные измены, но любовь к другой женщине – это совсем иное. Унизительно и противно, словно спать на чужих грязных простынях.

– Ты сама виновата, – начал он, оклемавшись.

Но я продолжила, будто не слыша. Что нового он мог сказать? За столько лет его претензии немудрено выучить наизусть!

– И после всего этого ты смеешь меня попрекать?! Наверное, я бы простила и это. Но попытки избавиться от Валериана – не прощу! Неужели твоя Ингрид стоит того, чтобы оставить его умирать?! Я все знаю об эпидемии в Хэймаэль, не трудись отрицать.

Пожалуй, мне еще никогда не доводилось видеть Ингольва настолько ошеломленным. В его породистое лицо будто плеснули молоком, так резко оно побелело.

– Ты думаешь, что я?! – с заметным трудом выдохнул он, словно борясь со спазмом в горле.

Резкое «да» словно замерзло на моих губах. Потрясение Ингольва было слишком искренним, чтобы заподозрить притворство. Оно било в нос, как нашатырь.

– А что еще я должна думать? – спросила я устало и потерла лоб. – Ингрид мне обо всем рассказала. Наверное, прошлой ночью ты хвастался ей, как ловко все устроишь?

Запнулась и заставила себя подышать размеренно. Вдох-выдох-вдох-выдох. Не обращать внимания на тупую боль в животе и острую – в сердце, на подкатывающую к горлу тошноту и подступающие слезы.

Ингольв отвернулся, потом грузно опустился в кресло напротив.

– Мирра, – голос его звучал сдавленно, – ты что-то неправильно поняла. Ингрид... не могла такого сказать!

На ее имени он будто споткнулся, и от того, как изменился его тон, мне стало ясно: все кончено. Если раньше мы еще могли делать вид, что все по-прежнему, то теперь хрупкая ваза супружеского согласия не просто разбилась. По осколкам прошлись подкованными сапогами, разбивая их в стеклянную крошку.

– Тем не менее она сказала именно это. – Я прикрыла глаза рукой. Надежда, что я почувствую облегчение, высказав мужу все накипевшее, оказалась тщетной. Вместо этого меня затопило безразличие, похожее на густой туман с привкусом гари. – Господин Исмил может подтвердить. И не отрицай, ты ведь не ночевал прошлой ночью дома!

– Мирра, посмотри на меня! – потребовал муж каким-то странным тоном, однако я только покачала головой, не желая, чтобы он видел меня в слезах. Впрочем, когда это Ингольв считался с моими желаниями?

Он выдернул меня из кресла, как морковку из грядки, потом силой отвел мою руку от лица.

– Что? – поинтересовалась я устало, стараясь сохранить хоть каплю достоинства.

– Пройшей ночью я ездил в Хэймаэль, – вдруг признался Ингольв глухо.

– Что?! – повторила я, думая, что от голода и волнения ослышалась.

– Я ездил в Хэймаэль, – повторил муж громче. – Там все не так плохо, как говорят, но я забрал оттуда Валериана. Можешь спросить у Петтера, если не веришь. Он вел машину.

– Но... – С трудом освободив руку из тисков мужниных пальцев, я потерла висок, стараясь собраться с мыслями. Он не лгал – об этом неопровержимо свидетельствовал остро-пряный запах любистка, слегка напоминающий сельдерей, – откровенности. – Тогда где он? Что с ним? Он здоров?

– Я не мог привезти его в Ингойю. – Показалось мне, или в голосе Ингольва действительно послышалось понимание и... извинение? – Он сейчас в Гриндавике, под присмотром Утера. Доктор говорит, он здоров, но все равно лучше выждать неделю на карантине.

Я медленно кивнула: Гриндавиком звалась крошечная деревушка на западе, откуда происходил родом Петтер. Его отец был слепо предан Ингольву, так что рядом с ним Валериан в безопасности.

– Спасибо, – только и сумела выговорить я, опустив взгляд. Выходит, самый страшный упрек, который я бросила мужу, был безоснователен!

Ингольв взял меня за подбородок и заставил поднять голову.

– Ума не приложу, почему она тебе такого наговорила. – Казалось, каждое слово он выдавливал из себя, как зубную пасту из тубы. – Она же знает! Клянусь тебе, я даже не думал! Валериан же мой сын!

Я осторожно коснулась его губ, заставляя замолчать. Мы оба понимали, что Ингрид пыталась спровоцировать полный разрыв между мной и Ингольвом, а что проще, чем сыграть на чувствах матери?

– Не надо. Я тебе верю.

– Смирна, – шепнул муж, пробегая пальцами по нежной коже за ухом. Пахло от него имбирем и медом. – Моя Смирна Благоуханная.

Я прикрыла глаза, пряча недовольство. Первое время после свадьбы он часто называл меня так. Надо думать, это устаревшее название мирры пришлось ему по сердцу, напоминая о привычных командах.

Губы Ингольва с давно забытой нежностью коснулись моих век, висков, щек. Когда-то это приводило меня в восторг...

А теперь я стояла, закрыв глаза, и обреченно понимала, что не чувствую ровным счетом ничего. Только усталость, бесконечную усталость. Он – мой мужчина, мы вместе прожили двенадцать лет, зачали двоих детей, но... Мы давно чужие, и с этим уже ничего не поделаешь.

Впрочем, муж быстро отошел от неожиданного приступа сентиментальности.

– Мирра, мы не договорили, – сказал он, отстраняясь, и я с трудом сдержала тяжелый вздох. – Почему ты постоянно встречаешь в какие-то неприятности? Неужели так сложно согласиться, что место женщины – в гостиной? Как давно ты не виделась с Гудой? А с Гюльвейг? Все нормальные жены ходят в гости, занимаются хозяйством, ездят в театр. А ты мало того что торгуешь всякими сомнительными зельями, так еще и водишься с хель, с леденцами, с драконами! Тебе хотелось заставить меня ревновать? Это глупо и ребячески, Мирра!

Годы тренировок не прошли даром: мне удалось проглотить крутящийся на языке ответ.

– Дорогой... – Я улыбнулась через силу. – Я же не могу оставить практику ради светских развлечений!

– Ты вполне можешь сидеть дома. Я зарабатываю достаточно, чтобы содержать семью! А эти хель тебя подстрекают!

– Они всего лишь хотят получить то, за что заплатили авансом, – пожалала плечами я.

Лицо мужа потемнело. Напоминание о том, что звание полковника он получил отнюдь не за воинские заслуги, никогда не приводило Ингольва в хорошее настроение. Однако от опасной темы он благоразумно ушел.

– Ты так и не сказала, почему общалась с этим драконом!

Скрывать правду я не собиралась. Я так долго балансировала на краю обрыва, что теперь безразлично следила за осыпающимися из-под ног камнями. Сорвусь? Пусть.

Радость от известия, что с Валерианом все в порядке, сменилась прежней решимостью.

– Потому что с его помощью я выяснила, что змею мне подкинула Ингрид! – отчеканила я, глядя прямо в глаза мужа.

– Змею?! – вытаращился на меня он, и я едва не рассмеялась – от облегчения и от того, сколь комично это смотрелось. Ингольв смотрел так, будто всерьез сомневался в моем душевном здравии, а значит, он не знал о планах любовницы. – Мирра, что ты несешь?!

– Ты ведь хотел услышать правду, – пожалала плечами я. – А правда состоит в том, что милая Ингрид отчего-то меня невзлюбила. – Я полюбовалась алыми пятнами, которые загорелись на скулах Ингольва, и продолжила: – И вчера она подкинула в «Уртехус» змею. К счастью, дракон услышал мой крик и поспешил на помощь. Вот и все!

При виде растерянности Ингольва меня на мгновение даже кольнула жалость. Он все никак не мог поверить в столь некрасивые поступки возлюбленной.

– Взгляни. – Я подняла манжету платья и протянула руку запястьем вверх. На белой коже выделялись едва начавшие желтеть синяки, а чуть ниже, у основания большого пальца, – следы змеиных зубов. – Надеюсь, ты не думаешь, что я сама их проделала... скажем, шилом?

Ингольв отрицательно мотнул головой, замороженно глядя на мою руку. Потом заговорил хрипло:

– Ты уверена, что это – она?

Надо думать, он с трудом пересиливал искушение объявить меня обманщицей.

– Уверена, – кивнула я. – Во-первых, ее видел Исмир. А во-вторых, согласись, в наших краях непросто отыскать змею. Не знаю, где она ее раздобыла...

– У доктора Ильина есть несколько ужей для каких-то опытов, – нехотя сознался Ингольв. Я кивнула, принимая объяснение.

– К тому же на улице холодно, змее полагалось впасть в спячку, а не набрасываться на меня, – заметила я, поправляя рукав.

Ингольв вздохнул с облегчением и наконец сумел отвести взгляд.

– Полагаю, кровь ванов помогла твоей милой Ингрид это устроить!

На шее и висках мужа вздулись вены.

– Не называй ее так! – потребовал он резко.

– Почему? – спросила я легкомысленно, поднимая с пола оброненную во время нашего объяснения шаль. – Тогда как я должна называть твою любовницу?

– Мирра! – рявкнул Ингольв, выходя из себя. Пахло от него колкой злостью лимонной травы, напоминающим бензин чайным деревом обиды и кислой клюквой смущения.

Он только зыркнул на меня исподлобья, тяжело дыша. А меня несло, словно поезд между станциями. Только стучали колеса (нет, это кровь стучит в висках) и свистели слова, бьющие в лицо не хуже встречного ветра.

– Прости, – развела руками я и притворно повинулась: – Я позабыла, что жене не положено замечать такие вещи!

– Прекрати! – велел Ингольв, не выдержав. Больно схватив за плечи, встряхнул. – Слышишь, прекрати! Иначе...

– Иначе – что? – спросила я бестрепетно, глядя прямо в голубые глаза навывкате, сейчас испещренные красными прожилками, должно быть, из-за бессонной ночи.

Боги, милосердные мои боги, ради чего я терпела эти два года?! Ради сына? И что это дало? Несмотря на мое сопротивление, Ингольв устроил все так, что я смогу видеть Валериана не чаще нескольких раз в год. А ведь пройдет всего несколько лет, мой мальчик вырастет и совсем перестанет во мне нуждаться! Сердце защемило, протестуя против этой почти кощунственной мысли.

Так ради чего?! Приличия, долг, супружеские клятвы? К йотуну! Я чувствовала себя волчицей, отгрызающей себе лапу, чтобы освободиться из капкана.

Ингольв и раньше не слишком со мной считался, а теперь... Стоя рядом с мужем, я отчетливо понимала, что дальше будет хуже. Ингрид не перестанет настраивать Ингольва против меня, и он рано или поздно всерьез задумается, как чудесно бы ему жилось без опостылевшей жены. А Валериан окажется в жерновах. Быть может, лучше сразу вычеркнуть себя из его жизни?

– Послушай, я приструню ее. Увезу отсюда, сегодня же. Слышишь? – Ингольв так просительно заглянул мне в глаза, что сердце мое оборвалось. Он не переживал, что я могла пострадать, волновался только, как бы я не заявила в полицию. И ради Ингрид он готов был меня просить – гордый Ингольв, который не просил ни о чем и никогда!

– Спасибо, хоть не стал лгать, что бросишь ее, – произнесла я с иронией. И, будто бросаюсь с головой в море: – Ингольв, я хочу уйти.

– Уйти? Куда уйти? – не понял он.

– Куда-нибудь, – проговорила я легко, словно речь шла о каких-то мелочах. – От тебя.

Раздельное проживание по взаимному согласию – это выход. Права мужа при этом по-прежнему будут всецело принадлежать Ингольву, но можно договориться, что он не станет ими пользоваться. В конце концов, что ему за дело до меня, когда у него есть Ингрид?

– Ты с ума сошла! – Судя по кисло-сладкому запаху неспелых вишен, слова эти никак не умещались в его голове. – А как же хель?! И что подумают люди?

Я горько усмехнулась. Значит, первая мысль Ингольва была о хель, точнее, о том, что предпримут они, если мы с мужем будем жить порознь. Вдруг отберут дом, звание, должность? Разумеется, в наши семейные отношения или, скажем, в вопросы опеки над Валерианом ледяные вмешиваться не будут. «Людам – тепло, а хель – лед!»¹, как гласит известный принцип. А вот собственные подарки они вправе отнять в любой момент.

Смешок мой от Ингольва не укрылся. Муж нахмурился и резко сказал:

¹ «Людам – тепло, а хель – лед!» – примерно соответствует нашему «Богу – богово, а кесарю – кесарево».

– Я против. Об этом не может быть и речи! А тем более сейчас, когда... – Он оборвал свою речь, будто спохватившись, и нервно хрустнул пальцами. – В конце концов, подумай о сыне!

– Два года, – произнесла я тихо. Тошнота накатывала волнами, то отступая, то подбираясь к самому горлу. – Целых два года я думала только о нем. Когда ты бегал за каждой юбкой, когда позволял своему отцу и даже слугам меня унижать, когда запрещал мне заниматься тем, что составляет смысл моей жизни. Я думала только о том, что не могу оставить Валериана. А потом оказалось, что ты легко и просто можешь отобрать его у меня и так. И я ничего, ровным счетом ничего не смогу с этим поделать!

Я чувствовала, что меня трясет. Все невысказанные слова, все невыплаканные слезы вытекали наружу, как гной из вскрытого нарыва.

«Бабушка была бы недовольна!» – будто сказал внутри меня наблюдатель, неодобрительно цокая языком. А мне было все равно... Можно терпеть, заталкивая вглубь боль, обиду, гнев. Можно ломать себя – и улыбаться. Но только до определенного момента, когда до предела сжатая пружина наконец распрямится.

Побагровевший от гнева муж встряхнул меня за плечи, да так, что клацнули зубы.

– А ну перестань! Перестань, слышишь?! Как ты вообще могла так обо мне подумать?! Подумать, что я его там брошу? – Ингольв смотрел на меня с почти детской обидой.

Я, разумеется, не сдержалась:

– Почему я не должна была верить? Ведь Фиалка...

– Я не виноват в том, что случилось с Фиалкой! – заорал он, чуть не брызгая слюной. – И мне надоело, что ты постоянно делаешь из меня крайнего! Она простудилась и умерла, при чем тут я?!

– При том, что ты не позволил мне заниматься аромагией. – Голос мой звучал тихо и устало. – Я могла бы ее спасти...

– Ты могла бы вообще не приезжать в Хельхейм, или не родить ее, или она могла выкарабкаться сама. Мало ли что могло произойти? А ты твердишь об этом так, словно я должен был все предвидеть!

Ингольв тяжело дышал и смотрел на меня с такой яростью, с таким запахом горелой резины, что я вдруг поняла: он подспудно чувствует себя виноватым, только никогда в этом не признается. А я никогда его не прощу. Не сумею забыть, что наша дочь осталась бы жить, если бы не настойчивое желание мужа сделать меня идеальной женой.

– Теперь это уже неважно, – проронила я, отворачиваясь.

Наверное, давно следовало поговорить с ним откровенно. Возможно, тогда нам удалось бы хоть как-то склеить разбитую любовь? А теперь слишком поздно...

Я чувствовала себя побежденной по всем фронтам. Конечно, можно уйти из дома даже без согласия Ингольва, вот только с острова меня без его разрешения не выпустят, а практика в Ингойе превратится для меня в сущий кошмар. Впрочем, вряд ли мне вообще удастся практиковать – по закону все заработанные деньги принадлежат мужу, который может потребовать их в любой момент, независимо от того, живем ли мы вместе. А в том, что Ингольв не преминет наказать меня за своеволие, сомневаться не приходилось.

Я пошла ва-банк и проиграла.

– Я не отпущу тебя, слышишь? – резко сказал Ингольв мне в спину.

– Слышу, – откликнулась я, и собственный голос показался мне безжизненным, как вечная мерзлота. – Извини, мне нехорошо!

Я выскочила из гостиной и, не обращая внимания на взгляды слуг и домочадцев, устремилась напрямик в «Уртехюс».

Первым делом я заперла за собой дверь и, схватив первый попавшийся таз, упала в обнимку с ним в ближайшее кресло. Когда бунтующий желудок слегка успокоился, я закрыла глаза и с силой сжала голову руками.

Даже кончики пальцев, казалось, состояли из одной только горькой боли, и дышать было тяжело, словно у меня были переломаны ребра.

Боги, милосердные мои боги, что же делать?!

Очнулась я от настойчивого стука в дверь. Разумеется, открывать не стала – в таком виде стыдно показаться кому-то на глаза. Даже не глядя в зеркало, можно представить свой внешний вид: встрепанная, бледная, заплаканная, не говоря об измятом платье и неприятном запахе от стоящего рядом с креслом таза.

Я с некоторым трудом поднялась, подошла (хотя скорее подползла) к дальнему окну, выходящему к морю, распахнула створки и с наслаждением вдохнула свежий чистый запах. На Ингойю будто нападала целая армия снежинок, и сейчас ее воины торопились захватить городские улицы, яростными осами жалея прохожих...

– Госпожа Мирра, откройте! – Голос Петтера звучал встревоженно и настойчиво. Мальчишка бился в дверь, как бабочка о стекло. – Откройте, я не уйду!

– Что еще? – неприветливо сказала я, распахнув перед ним дверь.

– С вами все в порядке? – спросил он тихо, замерев с занесенной для очередного удара рукой. Губы его были обветрены, глаза покраснели, а каштановые вихры топорщились в совершеннейшем беспорядке.

– А что, похоже? – усмехнулась я, отступая, чтобы его впустить. От слез у меня заложило нос, но догадаться о его настроении нетрудно было и без подсказок.

Он только отрицательно мотнул головой.

Я жестом указала на кресло, однако мальчишка остался стоять. Я пожала плечами и принялась разыскивать масло базилика. Считается, что оно устраняет меланхолию и мизантропические настроения, и теперь выдался превосходный случай это проверить. К тому же базилик должен помочь от тянущей боли в желудке.

Петтер мялся в стороне и кусал губы, явно не решаясь заговорить.

– Слушаю вас. – Накапав масло в аромалампу, я уселась в кресло и невидяще уставилась на свои руки. По комнате разливался травянистый, немного камфорный и сладковато-анисовый аромат. К нему следовало добавить имбирь, однако имбирь слишком сильно напоминал мне об Ингольве.

Я заставила себя поднять глаза на Петтера.

– Госпожа Мирра, я... – Мальчишка, кажется, не замечал, как мнет фуражку. – Господин полковник отправил меня подтвердить вам, что прошлой ночью мы ездили в Хэймаэль и забрали оттуда вашего сына.

– Спасибо. – Я наконец смогла нормально вздохнуть, лишь теперь до конца поверив в слова мужа.

Вдруг остро захотелось кофе, чтобы его горечью смыть неприятный привкус во рту. Я встала, зажгла спиртовку и вынула из шкафчика нужную банку.

– С ним все в порядке, – продолжил Петтер, переминаясь с ноги на ногу. – Клянусь Тюром, это правда!

И вскинул на меня глаза, странно темные на побледневшем лице. Густой и тяжелый аромат его одеколона мешал мне, как лезущая в глаза прядь волос.

– Спасибо, – повторила я со слабой улыбкой и вдруг заметила, что руки мои дрожат, из-за чего кофе рассыпался по столу. По щекам покатились слезы, и я прижала ладонь ко рту.

Долгую минуту мальчишка молча смотрел на меня, потом шагнул вперед – и обнял, осторожно прижал к груди.

– Ш-ш-ш, – шепнул он. – Не плачьте! Все будет хорошо. Поверьте мне, все обязательно будет хорошо!

И, боги, милосердные мои боги, я вдруг обнаружила, что именно этого мне недоставало. Капельки тепла и нежности, о которых моя душа мечтала, как пустыня о дожде.

Петтер тихонько гладил меня по волосам, пока слезы не иссякли.

– Простите. – Я с трудом выдавливала слова. – Я не в себе. Переволновалась.

– Понимаю, – согласился он тихо. – Я... Я слышал, как господин полковник на вас кричал.

– И видите, что происходит между нами, – понимающе заметила я, немного отстраняясь. Надо думать, выглядела я нелепо и жалко – он потупился, чуть не до крови прикусил многострадальную губу.

– Он мой командир, а я – посвященный Тюра, – глядя на блестящие носки своих сапог, проговорил мальчишка мертвым голосом. – Я не должен сомневаться ни в его поступках, ни в его решениях.

– Но вы сомневаетесь, – тихо произнесла я. Командир для него священен. Вот только, боюсь, сейчас у мальчишки две святыни и сделать выбор между ними – задача не из легких. Потому его и бросает в крайности – от стараний примирить меня с мужем до попыток объясниться в своих чувствах.

Петтер помолчал, прикусив изнутри щеку, и закончил глухо:

– Полковник причиняет вам боль. Я... Я не знаю, как его убедить этого не делать!

– Вы ни в чем не виноваты! – заверила я, чувствуя странную опустошенность. Резкий запах табака и дегтя раздражал, и я не сдержалась: – Вам не идет этот одеколон, Петтер!

– А мне нравится, – откликнулся он спокойно. И улыбка, коснувшаяся его губ, подсказала мне ответ. Он делал это сознательно, должно быть вспомнив, как я жаловалась на благовония Колльва, мешающие разобрать его эмоции.

– Вы так хотите скрыть свои чувства? – спросила я, упираясь рукой ему в грудь, но мальчишка и не подумал выпустить меня из теплого плена объятий.

– Они ведь вам неприятны, – заметил он ровно, и только колотящееся под моей ладонью сердце выдавало, что спокойствие его притворно.

– Нет! – возразила я и, вырвавшись наконец из его рук, объяснила: – Я просто не хочу ломать вам жизнь, Петтер. Я ведь вам уже говорила!

– Я помню. – Он дернул плечом и отвернулся.

Оставалось только вздохнуть. Обиделся. Боги, какой же он еще мальчишка!

– Я благодарна вам, Петтер, правда. И уверена, что с Уннер вы будете очень счастливы!

Он промолчал, и молчание было настолько красноречивым, что я снова вздохнула и направилась к спиртовке. Вода в турке уже выкипела, так что пришлось доливать холодной. Надо думать, мальчишка не питал интереса к бедняжке Уннер, а ухаживать за ней начал в пику мне (и возможно, надеясь разбудить во мне ревность).

Краем глаза я заметила, как Петтер, глубоко вздохнув и, кажется, на что-то решившись, достал из-за пазухи газету и молча протянул мне. Я сняла с огня турку, перелила кофе в чашку и стала читать заботливо обведенные карандашом строки:

«Редакция приносит свои глубочайшие и искренние извинения уважаемой госпоже Мирре за публикацию непроверенных и порочащих аромагию материалов, а также заверяет, что Знаток более не будет печататься в нашем издании».

И подпись главного редактора – слишком знакомое имя, которое сказала мне все.

Я сжимала в руках измятые листы, не замечая, как краска пачкает пальцы, и в очередной раз пыталась собрать воедино разбегающиеся мысли. Петтер молчал, дожидаясь моей реакции.

М-да, похоже, любимая поговорка свекра «Волос долог, да ум короток!» все же не лишена оснований. Теперь события, ранее нелепо громоздившиеся друг на друга, обрели стройность и логичность.

– Значит, поэтому вы тогда привезли меня к Халле? – догадалась я.

Петтер кивнул, не отрывая от меня напряженного взгляда. Я глотнула горячего кофе, обожгла небо и поморщилась.

– Ингольв не хотел, чтобы я узнала, верно? И запретил вам говорить об этом.

Он снова кивнул, и я машинально отпила еще кофе. Понятно, почему Ингольв скрывал правду: в его глазах это было бы равносильно признанию своей неправоты.

Давняя традиция: желая опровержения недостоверных сведений, можно вызвать на дуэль распространяющее их лицо. И это неоднократно применялось к газетчикам. А если журналист, написавший статью, стоит неизмеримо ниже оскорбленного либо вообще неизвестен, то место у барьера занимает главный редактор.

Выходит, Ингольв защищал вовсе не честь Ингрид, в чем она успешно меня убедила, а, напротив, меня? Впрочем, насчет его мотивов я иллюзий не питала. Вечная ирония судьбы: Ингольв многим обязан ненавистной аромагии и гонения на нее могут изрядно пошатнуть его положение.

Надо думать, подобное объяснение пришло бы мне в голову, если бы не ловкость Ингрид, которая всего лишь несколькими туманными намеками привела меня к нужному выводу. Какая же она змея!..

Петтер давно ушел, а я все сидела, позабыв об остывшем кофе, и пыталась понять, что же мне делать теперь.

Разумеется, можно запереться в «Уртехюсе» и прорыдать всю оставшуюся жизнь. И, наверное, Ингольва и прочих это вполне устроит. Вот только устроит ли это меня?

Мне стало хоть капельку, но легче после визита Петтера. Так может быть, стоит собирать частички тепла где только можно? Ожесточенно заполнять себя чем-то светлым и хорошим, чтобы превозмочь боль? Чтобы однажды горечь и радость смешались – и вытекли со слезами, перестали гнетом лежать на сердце...

Я выплеснула в раковину остывший кофе. Пожалуй, стоит пощадить желудок, слишком часто он в последнее время напоминал о себе.

Бабушка утверждала, что проблемы с пищеварением возникают от нежелания «переварить» ситуацию, на что дедушка посмеивался и говорил, что пилюли всегда эффективнее самокопания. Впрочем, разногласия по поводу причин недугов не мешали им действовать вместе, истребляя болезни всеми возможными методами.

Надо думать, в ближайшее время придется соблюдать строжайшую диету. Представив несколько месяцев на несоленой овсянке без масла и отварном мясе, я вздохнула – и смирилась. Воображаю, как будет счастлива Сольвейг!

Древние считали, что в рационе человека должны присутствовать все вкусы: горький, сладкий, кислый, острый и соленый. Хм, пожалуй, стоит попробовать это компенсировать. Лекарственные горечи кофе, полыни и айра. Сладкая нега ванили и какао, кокоса и апельсина. Бодрящая кислинка лимона, петитгрейна и грейпфрута. Острая приправа черного перца и корицы. Солоноватая прохлада эвкалипта, розмарина и лаванды...

От одного перечня у меня слегка полегчало на душе, но даже аромагия была не в силах излечить меня от боли. Казалось, что между мной и Ингольвом осталось совсем мало общего, а теперь я чувствовала себя так, словно меня резали без анестезии. Ингольв много лет был моей жизнью, и дело тут совсем не в любви...

Мысли мои крутились вокруг одного, как заевшая грампластинка. А за окном была вьюга, отчаянно и безнадежно.

«И все же хорошо, что Валериана сейчас тут нет, – подумалось мне вдруг. – Он слишком чувствителен!»

Боюсь, еще немного, и я бы вновь принялась рыдать – от обиды, горечи, неоправдавшихся надежд. К счастью, такой возможности мне не дали. Входная дверь распахнулась, и кто-то меня окликнул.

– Госпожа Мирра, вы тут? Можно войти? Мне очень, очень нужна ваша помощь! Вы должны мне помочь! – экспрессивно сообщил высоковатый мужской голос.

– Конечно, проходите! – отозвалась я, крепко зажмурившись, чтобы остановить слезы.

При виде кислой физиономии посетителя первым побуждением моим было со стоном уткнуться лицом в ладони. Нельзя сказать, что господин Викар – человек неприятный или недобрый, он просто всецело погружен в свой мир (как, впрочем, и большинство писателей). Творения господина Викара – романтические истории любви – пользовались немалым спросом, что не мешало автору переживать регулярные творческие кризисы. А на что только не пойдут авторы, желая вернуть ускользнувшее вдохновение!

Вот и господин Викар перепробовал многое: он писал только на рассвете, под нежные переливы вальса (представляю, как счастливы были соседи!), определенными чернилами и на особой бумаге... Однако и это не помогало!

Он перестал нормально питаться и спать по ночам, начал завидовать более успешным собратьям... С полгода назад измученный писатель попал ко мне. Сам господин Викар признался, смущаясь и краснея, что предпочел бы мужскую слабость слабости творческой. Но его, увы, никто не спрашивал.

Пока наша совместная битва за вдохновение шла с переменным успехом. Писатели – существа нежные, словно капризные орхидеи. Обласканные, ухоженные и взлелеянные, они поражают взгляд многообразием красок и изяществом, но стоит легкому ветерку задеть лепестки, как они вянут и опадают.

Сегодня же господин Викар напоминал растение, которое ретивый садовод поливал слишком часто и обильно: одутловатое лицо, набрякшие веки, вся фигура какая-то набухшая и бесформенная. И запах – так пахнет подгнившая мякоть кактусов.

– Я опять потерял покой! – признался писатель со слезами в голосе.

– Что же, попробуем его отыскать, – вздохнула я.

Пригласив гостя присаживаться, заварила успокоительный сбор, краем уха прислушиваясь к горьким жалобам. Хм, мне бы его проблемы! Пожалуй, себе тоже стоит чего-нибудь накапать...

Господин Викар что-то бубнил о героях, которые не желают вести себя в соответствии с его задумкой, а я, сочувственно кивая, подливала ему чая. Эффективнее всего для вдохновения оказались растения, снимающие нервное напряжение: валериана, нард, ваниль, фенхель, анис. Надо думать, тонкая душевная организация творческих личностей страдает от тревоги и предчувствия неудачи, а потому бороться следует именно с ними.

– Госпожа Мирра! – вклинился в мои размышления голос господина Викара, дрожащий от возбуждения и восторга. – Что – это?!

– Где? – не поняла я, осторожно отпивая мятно-фенхелевый чай, чтобы смыть с языка мерзкий вкус валерианы и пустырника.

– Это! – Господин Викар обвел широким жестом комнату. – Я чувствую, как во мне прямо-таки бурлит вдохновение! О, я чувствую! И, госпожа Мирра... – Он ухватил меня за плечо, отчего я едва не подавилась своим напитком, и заговорил горячо: – Теперь я знаю, как сделать, чтобы Реодоро влюбился в Маргариту!

Пахло от него в этот момент эвкалиптом, мятой и черным перцем – полной концентрацией.

– Очень за вас рада. – Я аккуратно высвободилась из захвата. Потом догадалась: – Видимо, вы имеете в виду масло базилика!

– Базилика... – проговорил он мечтательно, как другие произносят имя возлюбленной. – О, прекрасное масло!

– Согласна, – кивнула я, наблюдая, как он чуть не вприпрыжку скакал по «Уртехюсу». От слоновьей дозы успокоительного меня начало клонить в сон, зато сердце будто заledenело и больше не мешало мне изображать спокойствие и приветливость.

– Придумал! – Писатель резко остановился и обратился ко мне горящий вдохновением взор. – Я назову главного героя не Реодоро, а Василием, в честь этого чудесного растения!

– Замечательно, – заметила я, допивая свой чай. – Сейчас я напишу вам дозировки и способы применения.

– Госпожа Мирра, спасибо вам, спасибо огромное! Вы меня спасли! – Экспрессивный писатель тряс мою руку и подпрыгивал от восторга. Ему явно недоставало бубна для хельских шаманских плясок, чтобы призывать духа вдохновения. Впрочем, господину Викару высказывать эту мысль я поостереглась...

Осчастливленный писатель отбыл, а следом стали один за другим появляться посетители. Они, конечно же, высказывали негодование из-за статьи Знатока, бурно возмущались, что редактор позволил публиковать такую чушь, за которую ему потом пришлось извиняться, и, разумеется, втихомолку рассматривали меня.

Надо думать, гости остались разочарованы моим спокойствием. Признаюсь, в тот момент меня меньше всего волновали нападки Знатока...

Как-то незаметно наступил вечер. Снежная белизна осветлила ночь, разбавила ее, словно чай молоком, так что вместо густых сине-фиолетовых сумерек на Ингойю будто опустился легкий шелк, переливающийся всеми оттенками – от кипенно-белого до глубокого индиго.

Когда в дверь постучали в очередной раз, взмыленная я (в прямом смысле – я как раз варила мыло) только вздохнула и, стянув перчатки, распахнула дверь.

На Палле не было лица. Он стоял на пороге, держа за руку рыдающую девицу лет шестнадцати, и от беспорядочного смешения ароматов у меня на мгновение потемнело в глазах. Сера, деготь, удушливый запах ирисов, тяжелый дух кожи, наркотически сладкий жасмин... Запахи спутались как клубок нитей, которыми поиграл котенок.

– Госпожа Мирра! – прохрипел Палл, вваливаясь в приемную и таща за собой девушку (должно быть, дочку). – Что же делать? Что же теперь делать?!

– Для начала сесть и успокоиться, – предложила я хладнокровно. И поймала себя на мысли, что чужие проблемы превосходно отвлекают от собственных. – А потом вы расскажете, что случилось, и мы вместе подумаем, что предпринять. Согласны?

Он судорожно кивнул и бережно усадил спутницу в ближайшее кресло. Оценив ситуацию, я щедро плеснула в аромалампу масел нарда и ладана (благо базилик уже выветрился), а девушке накапала мятно-валериановых капель. Она даже не поблагодарила, просто выпила, кажется, не заметив, что именно.

Чтобы немного отвлечь Палла от переживаний, пришлось расспрашивать его о новых сортовых лилиях, привезенных на последнем корабле. Эта тема всегда вызывала у садовника живейший интерес, однако теперь он отвечал односложно, посматривая на дочь (это действительно оказалась Гердис). Она сидела, глядя в одну точку, и судорожно сжимала на груди разорванное платье. Поначалу я не заметила этой детали, поскольку ее скрывало пальто.

– Что с ней случилось? – Я постаралась, чтобы шепот мой услышал только Палл.

– Свейн – это поклонник Гердис – набросился на нее и хотел... хотел... – Голос Палла сорвался. Бедняга заморгал, явно пытаясь унять слезы. – Он ведь всегда такой вежливый был, такой обходительный. А теперь как с цепи сорвался!

– Хм... – Я взглянула на девушку и велела: – Палл, подождите в приемной. Мне нужно поговорить с вашей дочкой наедине.

Палл некоторое время колебался, будто всерьез опасаясь, что я тоже обижу его девочку, но в конце концов кивнул и вышел, шаркая будто старик.

А я присела рядом с девушкой и осторожно обняла ее за плечи. От прикосновения она дернулась и напряглась.

– Тихо, тихо. – Голос мой звучал негромко и сочувственно. – Вы знаете, кто я?

Она нерешительно кивнула.

– Вот и замечательно. А теперь скажите, что произошло, хорошо?

Она снова кивнула, все так же неуверенно.

– Я... Я отпросилась на сегодня у барышни Сигнё и шла к отцу, когда меня перехватил Свейн. Ну, мы раньше гуляли вместе. Только гуляли, госпожа, вы не подумайте ничего такого!

– Я и не думаю, – заверила я, пытаюсь понять, что именно в ее запахе не давало мне покоя. Хм, пожалуй, резкий мускус, амбра и тягучий мед не соответствовали ни возрасту, ни внешности, ни статусу девушки.

– Он на меня так набросился! – Гердис сжала кулачки и, закусив губу, призналась тихо: – Я уж думала, насильничает!

Она задрожала, и я, пожалев несчастного ребенка, прижала ее к себе.

– Успокойтесь, – глядя всхлипывающую девушку по плечу, мягко произнесла я. – Я не дам вас в обиду.

Но Гердис не успокоилась. Так же кривились губы, словно она вот-вот расплачется, движения были суетливы, да и глаз она не поднимала. А в сумятице ароматов и чувств ничего не разобрать.

– Я... Я плохая, да? Испорченная? – спросила она вдруг.

– Глупости! – резко возразила я.

Она мотнула головой:

– Не глупости! Если бы я... Если бы я была другая, хорошая, со мной бы такого не случилось!

– Дело тут вовсе не в вас, – сказала я то, что ей нужно было услышать.

– Но он такой хороший был. Всегда был. Я же думала замуж за него выйти. Он предлагал, честно, предлагал. – Она говорила так монотонно, словно твердила давно заученный текст. – Я и барышне Сигнё сказала, она так радовалась за меня, платье подарила и духи вот. А он...

– Постойте, – встрепелась я. Так вот что меня смущало! Аромат явно дорогой, к тому же не из тех, что подходят юным девушкам. – Какие духи?

Кажется, Гердис удивилась, даже немного ожила:

– Да вот, они у меня с собой, – и, вынув из кармана крохотный хрустальный пузырек, протянула его мне. – Барышня Сигнё такая добрая!

Я вынула пробку и осторожно поднесла ее к носу, уже догадываясь, что почую. И правда, аромат отличался от обычных благовоний, как настоящее оружие – от детского деревянного меча.

– Очень добрая! – повторила я с чувством. Заметив, что Гердис перепугалась, я постаралась улыбнуться. Сейчас ей противопоказаны любые волнения – как сквозняки для стариков. – Не волнуйтесь, все будет хорошо. Эту ночь переночуйте здесь, в «Уртехюсе», а завтра, думаю, все уже разрешится.

– Правда? – Она доверчиво подняла на меня заплаканные глаза.

– Правда, – пообещала я. – Если позволите, это, – я осторожно, как ядовитую змею, поставила флакончик на стол, – пока останется у меня.

– Конечно, – согласилась она, не раздумывая.

Я задумчиво разглядывала емкость с подозрительными духами, пока Палл хлопотал над Гердис. Любопытно, откуда они взялись? Изготовить подобное в Хельхейме не могли, официально привезти тем более... Напрашивался вариант с контрабандой. А если еще вспомнить поддельное вино... Пожалуй, теперь я готова была помочь Исмиру распутать ту странную историю.

К сожалению, я не имела ни малейшего представления, где искать Исмира. Возможно, он предпочитает ночевать на заснеженных вершинах гор или на дрейфующей в море льдине? Брр, от одной мысли меня передернуло. Забавно, при всей нелюбви к холоду моя тяга к северным мужчинам только усугубляется со временем: сначала коренной обитатель Хельхейма Ингольв, теперь и вовсе ледяной дракон...

Я встряхнула головой, отгоняя нелепые мысли. Пожалуй, разыскать его проще всего с помощью инспектора Сольбранда.

– Палл, будьте добры, отнесите записку, – попросила я, торопливо черкая короткое послание.

– Конечно! – обрадовался он, чуть не выхватывая бумагу из моих пальцев.

Гердис временами по-детски всхлипывала во сне, а я сидела в соседней комнате перед пустым листом бумаги. Требовалось составить несколько новых рецептов, только мысли мои крутились весьма далеко от аромагии. Забота о других помогала держать себя в руках, но, оставшись одна, я поневоле погружалась в тоску и воспоминания.

Пальцы мои машинально перебирали пузырьки с маслами и настоями, а перед глазами всплывали картинки из прошлого...

– Голубушка, вы тут? – отвлек меня от этого бессмысленного занятия негромкий голос инспектора Сольбранда.

– Да, – откликнулась я, вставая. – Здравствуйте, инспектор!

– Здравствуйте, голубушка! – Он стянул с головы форменную шапку-ушанку и поклонился. Белая акация дурманила сладостью сопереживания, а чай с бергамотом выдавал сочувствие.

Я заставила себя улыбнуться. Оставалось лишь надеяться, что улыбка моя не походила на оскал.

– Не ожидала вашего визита, – призналась я и тут же спохватилась: – Но очень рада вас видеть!

– Ну да, голубушка. – Инспектор устроился напротив меня. Кажется, ему отчего-то было неловко. – Вы ведь просили передать записку господину Исмиру! Не беспокойтесь, голубушка, я так и сделал, только...

Он замялся, и я, вспомнив о долге хозяйки, предложила:

– Хотите чаю? Кофе? Чего-нибудь покрепче?

– Покрепче! – усмехнулся инспектор, мальчишеским жестом взъерошив седые волосы. – Не поверите, до чего меня все это... То есть как мне это надоело!

С языка его определенно рвались куда более крепкие выражения.

– Ваш любимый малиновый ликер? – с некоторым сомнением сказала я, вставая, и запахнула створки шкафчика с разнообразнейшими напитками. Чего тут только не было! Многочисленные ягодные наливки, травяные настои на спирту, ликеры. – На мой взгляд, для сегодняшней погоды, – я кивнула на окно, за которым по-прежнему надрывно выла вьюга, – больше подходит горячее вино с медом и пряностями.

– Вино! – быстро согласился он, и я принялась отмерять гвоздику, корицу, апельсиновую цедру и мускатный орех.

Больше о делах мы не заговаривали, пока я торжественно не поставила перед гостем чашку. Сама я ограничилась отваром овса, чуть подслащенным медом: напиток не слишком вкусный, но весьма полезный для пищеварения.

– Голубушка, вы чудо! – восхищенно произнес инспектор, осторожно нюхая исходящее ароматным паром вино. С давних пор у нас с ним была общая слабость – нелюбовь к холоду.

Я отпила глоток своего отвара, поморщилась и не выдержала:

– Инспектор, и все же, что насчет господина Исмира?

– Господина Исмира? – повторил он с непонятым выражением и с видимым нежеланием отставить чашку. – Да, голубушка, конечно! Только...

Хм, впервые я видела инспектора Сольбранда в таком смущении! И долька лимона в его запахе.

– Инспектор, что с вами? – удивилась я и заставила себя глотнуть отвара.

– Голубушка, скажу как на духу! – начал инспектор и, сцепив руки, принялся хрустеть суставами. – Вы много лет меня знаете и, надеюсь, доверяете...

– Инспектор! – произнесла я укоризненно, и он, вздохнув, решился:

– Не лезли бы вы в это дело, голубушка!

– Хм... – От неожиданности я едва не поперхнулась своим напитком. Отставила чашку от греха подальше и призналась: – Инспектор, я не понимаю! Неужели эта история с духами настолько серьезна?

– Какая история с духами? – вытаращил он круглые голубые глаза. – Голубушка, вы о чем?

– Послушайте, – вздохнула я, осознав, что мы говорим о разных вещах. – Будьте добры, расскажите все по порядку!

– Конечно, – согласился он и, по-птичьи склонив набок голову, сказал уже намного спокойнее: – Голубушка, я просто хотел вас предостеречь. Это дело – ну, об убийстве господина мэра, – оно же политическое, а вы по незнанию можете всяких дел натворить!

– Выражайтесь яснее, – попросила я, чувствуя, что медленно закипаю, и залпом допила свой отвар.

– Ну, голубушка, не горячитесь! – Инспектор примирительно выставил вперед ладони, источая мирный запах ромашки и липы. – Я ни в чем вас не упрекаю. Но вы же насчет вальерьянки господину Исмиру рассказали, а газетчики-то возьми да и пронюхай!

– Но откуда?! – чуть не взвыла я. Ведь чувствовала, что ничего хорошего мне это не принесет! А все равно взялась помогать Исмиру, и теперь приходится за это расплачиваться.

– Не знаю, голубушка. – Инспектор отвел взгляд и, внезапно вспомнив о почти остывшем глинтвейне, принялся жадно пить. – Может, сам Исмир проговорился или еще кто, но в вечернем выпуске «Хельхейм газетт» об этом большущая статья на первой полосе, а завтра и остальные, конечно, перепечатают! Да еще и с вашими портретами – голову даю на отсечение!

Я смежила веки, воображая, в какой ярости будет Ингольв. Впрочем, плевать!

– Что еще? – Голос мой звучал тихо и устало.

– А вам мало, голубушка? – почти искренне удивился инспектор и посоветовал серьезно: – Слухи уже, конечно, не остановить, но держались бы вы от этого дракона подальше, голубушка!

– Благодарю за совет! – едко ответила я. – Только, боюсь, я не стану ему следовать!

Лицо инспектора Сольбранда выглядело серым от переутомления. Он потер покрасневшие веки и глотнул еще вина.

– Дело ваше, голубушка! – пожал плечами он. – Но вашему мужу это не понравится.

– Мужу?! – переспросила я слишком громко. – Какое дело до меня Ингольву? Его не касаются мои отношения с кем бы то ни было! Слышите?!

– Слышу, – согласился инспектор, и от его прохладно-лавандового сочувствия мой запал разом угас. – Это, конечно, ваше дело. Я только хотел вас предостеречь.

– Спасибо. – Я заставила себя говорить ровно. Потом встала и, нащупав склянку с успокоительным, отмерила двойную дозу. Глотком выпила противную на вкус жидкость и устало

подумала, что много раз предостерегала пациентов не превышать количество лекарства, а теперь сама грешила тем же самым. Впрочем, сейчас мне нужно было спокойствие – пусть заемное и временное. – Я понимаю, что вы руководствовались самыми лучшими побуждениями.

– Конечно, голубушка, – кивнул инспектор, потом вдруг взял меня за руку и заглянул мне в глаза. – Голубушка, я на вашей стороне! Но что я могу сделать?

– Ничего, – согласилась я, пожимая в ответ его теплые пальцы.

– И все же, что там за история с духами? – припомнил инспектор. – Мне просто страсть как интересно!

Подозреваю, он просто пытался довольно неловко перевести разговор на более безопасную тему, однако в тот момент я была ему за это благодарна.

– Давайте расскажу по дороге! – предложила я.

– По дороге куда? – поинтересовался инспектор, с готовностью вставая.

– Увидите! – усмехнулась я.

Выйдя из «Уртехюса», я ненадолго остановилась, жадно глотая морозный воздух. Боль и гнев переполняли меня, грозя вскипеть и выплеснуться, словно молоко на плиту. Сейчас мне в пору самой себе прописать длительное лечение на водах или, скажем, на морском побережье. Вспомнилось море – голубое, опалесцирующее под светом луны, теплое и ласковое. Море в Хельхейме сурово, под стать здешней земле. А летом в Мидгарде оно мурлычет и ластится к ногам, как ласковая кошка... Боги, милосердные мои боги, неужели я никогда больше его не увижу?! Боль полоснула по сердцу, не давая вздохнуть. Ингольв никогда не отпустит ни меня, ни Валериана. Так что я прикована к этим суровым местам ржавыми кандалами долга. И совсем как этот остров, живу на хрупкой грани между ледником и вулканом...

Это сравнение заставило меня нервно рассмеяться. Я обхватила себя руками за плечи, пытаюсь унять рвущийся наружу смех, а инспектор, смерив меня обеспокоенным взглядом, поинтересовался:

– С вами все в порядке, голубушка?

– Вполне, – покривила душой я, с его любезной помощью (несмотря на преклонные лета, он все еще оставался крепким мужчиной) усаживаясь в кеб. И поспешила сменить тему: – Инспектор, меня беспокоит, что в Ингойе появилось множество лекарств, которые не проходили через мои руки. В Хельхейме очень бедная флора, а значит, почти все компоненты для зелий привозные. И все поставки трав проходят через мои руки или через аптекаря Фроста. Так откуда же?..

Я не договорила, внезапно осознав, что слишком много нитей в этой истории ведет ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.